Журавленок и молнии

Автор:
Владислав Крапивин

Журавленок и молнии

Владислав Петрович Крапивин

Юрке Журавину в наследство от дедушки достались редкие книги. Отец, водитель самосвала, «работяга», искренне не понимает увлечения сына мудреными фолиантами – ему куда ближе «Три мушкетера». И подумать только – за потрепанную книжонку в комиссионке дают пятьдесят рублей. И однажды, чтобы рассчитаться с грузчиками, отец украдкой сдает книгу в магазин. Когда же пропажа вскрылась, он увильнул от ответа. Выведенный из себя суровым обличением сына, Журавин-отец решает проучить его старым дедовским способом – жестокой поркой…

Владислав Крапивин

Журавленок и молнии

Роман для ребят и взрослых

Моей жене Ирине

Вступление

ЖУРАВЛЁНОК

Накануне было пасмурно и зябко. Но вечером прорезался под тучами ясный закат и потеплело. Утро наступило сверкающее. Глянешь на улицу, и сразу понятно: день будет солнечный и жаркий.

Вера Вячеславовна распахнула все окна и пошла выгонять из кровати засоню Иринку. Но Иринка, оказывается, не спала. Она стояла босиком перед зеркалом и задумчиво показывала себе язык. Увидев маму в зеркале, Иринка повернулась на пятке и сказала:

– Помню, помню, помню: «Сегодня суббота, большой аврал, никаких отлыниваний, никаких срочных дел…» Только не корми меня с утра яичницей, я от нее теряю работоспособность.

Вера Вячеславовна засмеялась. Она заметила, что нельзя потерять, чего нет, и отправила Иринку умываться. В квартире было просторно и тихо.

– А где папа?

– Раным-рано ушел в мастерскую, у него сегодня худсовет… Поджарить колбасу с горошком?

После завтрака Иринка лихо двигала стулья, хлопала во дворе половики, протирала подоконники и карнизы. В своем черном купальнике она носилась из комнаты в комнату и была похожа на ласточку. Это удивляло Веру Вячеславовну. Не то, что дочь похожа на ласточку, а то, что в ней прорезалось с утра такое трудолюбие.

Впрочем, Иринка успевала и дурачиться. Обмотала себя шлангом гудящего пылесоса и закричала:

– Мама! Смотри, я воюю с кровожадным драконом! Он обвил меня своей длинной шеей!

– Перестань терзать пылесос! Чисти ковер или увидишь настоящего дракона. Я сама в него превращусь.

– Нет, – возразила Иринка. – Ни в кого ты не превратишься, ты меня любишь. В крайнем случае скажешь: «Человеку, перешедшему в пятый класс, пора избавляться от детсадовских привычек…»

– Я вот тебя веником…

Иринка захохотала, и они с «драконом» накинулись на ковер…

Но к полудню Иринка сразу как-то выключилась. То ли устала, то ли ей надоело. Она притихла, ушла в свою комнату и вдруг появилась в новых белых сандалетках и белом платьице с синими горошинами – самом нарядном и любимом. Чинно села у стола.

– Ты уже собралась? – удивилась Вера Вячеславовна.

– Куда? – насторожилась Иринка.

– Что значит «куда?» Мы же договорились вчера, что ты отнесешь Юлии Яковлевне книгу и возьмешь у нее мой зонт. Она ждет тебя ровно в час…

– Ой-й… Я совсем забыла. Может, потом?

– Потом она едет на дачу, ты же знаешь. И… в чем дело? Если ты собралась не к ней, то куда, скажи на милость?

– Да совершенно никуда…

– А к чему такой наряд?

– Разве нельзя одеться по-человечески?

– Гм… А все-таки?

Иринка уставилась на часы и небрежно сказала:

– Так… Мальчик один придет.

– Да? Любопытно, – произнесла Вера Вячеславовна и стала перебирать в серванте бокалы, стараясь показать, что не так уж ей любопытно. Потом все-таки спросила:

– А что за мальчик? Из вашего класса?

Она тут же подумала, что вопрос этот смешной. Стала бы Иринка наряжаться ради одноклассников!

– Не из нашего… – откликнулась дочь. Помедлила и объяснила – Мы вчера познакомились. В парке…

«Любопытно», – чуть снова не сказала Вера Вячеславовна, однако поняла, что это выдаст ее растерянность. И спросила скучноватым голосом:

– Разве ты была вчера в парке? В такую-то погоду…

– А что погода? Прохладно, вот и все, а дождя не было… Я хотела в тире пострелять, а тир закрыт был, я тогда пошла на аттракционы. Там такую новую штуку устроили: старинные автомобильчики по ухабам носятся… Так здорово!

– Не сомневаюсь, – откликнулась Вера Вячеславовна, у которой всегда бешено кружилась голова от одного вида каруселей и качелей. А при чем здесь мальчик?

– Как при чем? В автомобильчик надо по двое садиться, все парами идут, а я одна. И он один… Тетка там, такая сердитая, покрикивает: «Ну, скоро вы? Занимайте места!» Он на меня посмотрел и говорит: «Пошли?» Я говорю: «Пошли». Ну и поехали… А это долгое катанье. Минут пять мотает вверх и вниз. Мы сидим и молчим. Потом он спрашивает: «Хочешь резинку? Мятную…» Я говорю: «Да нет, меня же не укачивает». А он: «Ну и что? Это не против укачивания, а просто так. Только у меня одна, давай пополам». Вытащил и порвал пополам вместе с фантиком. Ну, неудобно же отказываться… Сидим, жуем. Не молчать же все время, я и спросила: «Ты из какой школы?» Он говорит: «Ни из какой еще, мы недавно приехали. А ты из какой?» Я сказала, что из четвертой. Он спросил: «Тебя как зовут?» Я говорю: «Ира. А тебя?» «Юра…» Вот и все…

– Ну, наверно, не все, – осторожно заметила Вера Вячеславовна. Был, наверно, еще разговор какой-то… Ты же пригласила его в гости.

– А, ну, конечно! Мы потом еще по парку ходили, я ему все показывала, и мы про марки разговаривали. У него, оказывается, куча марок со зверями и рыбами. Вот мы и договорились, что он сегодня принесет и покажет… В двенадцать часов.

– И про Юлию Яковлевну ты, конечно, не вспомнила…

– Мам, ну, к ней же целый час ехать! А он придет…

– Кто же виноват? – строго спросила Вера Вячеславовна, и, конечно, строгости у нее хватило лишь на этот вопрос. – Ну, ладно, придет – подождет. Что особенного?

– А если не дождется? – жалобно спросила Иринка. Вера Вячеславовна засмеялась:

– Я обещаю тебе, что живым его не выпущу. А ты поторопись.

Вера Вячеславовна заметила, что нетерпеливо поглядывает на часы. Рассказ Иринки о новом знакомом слегка обеспокоил ее. Ей представился высокий длинноволосый мальчишка в растрепанных снизу джинсах, полосатом свитере и почему-то непрерывно надувающий губами пузыри из жевательной резинки. Нет, не хулиган, конечно (с хулиганом Иринка не стала бы и разговаривать), но самоуверенный и с ленивыми размагниченными движениями. Это сейчас так модно! А Иринка готова подражать всем на свете…

Гость оказался точным: ровно в двенадцать деликатно тренькнул звонок. Вера Вячеславовна, пожалуй, чересчур торопливо открыла дверь.

– Здравствуйте. Ира здесь живет?

Вера Вячеславовна улыбнулась. Улыбнулась про себя, но ласково и радостно. В дверях стоял Иринкин ровесник – стройненький, легкий, аккуратный. Даже

растрепанные волосы и распахнутый воротник не нарушали этой аккуратности. Он смотрел снизу вверх на рослую хозяйку квартиры с легкой застенчивостью, но доверчиво, будто чувствовал заранее, что ему обрадуются.

Вера Вячеславовна улыбнулась уже открыто. Мальчик был как тонкий солнечный колосок. Солнце, казалось, не хотело расставаться с ним даже на затененной лестничной площадке, и задержало на мальчишке свой свет. Наверно, так казалось из-за рубашки – она была цвета золотистой пшеницы. На ней искорками блестели латунные пуговки.

Славная была рубашечка, подогнанная у талии, с погончиками, с пристроченной над кармашком шелковой черной ленточкой, на которой были вышиты крошечные золотые буквы «Windrose». И, любуясь мальчиком, Вера Вячеславовна поймала себя в то же время на практической мысли, что несколько лет назад не удержалась бы и спросила: «Где тебе мама купила такую?» Но теперь это ни к чему. Витюшка теперь носит не такие рубашки, и погоны у него потяжелее…

Вера Вячеславовна спохватилась, что несколько секунд молча разглядывает гостя.

– Да-да! Заходи, пожалуйста. Я послала Иринку по неотложному делу, но она скоро придет. Она очень просила подождать…

– Ладно, – весело сказал мальчик.

Он легко ступил бело-коричневыми кроссовками на половик в прихожей, быстро огляделся, пристроил на полке с обувью желтую клеенчатую папку, которую до сих пор небрежно держал за уголок. Потом высоко поджал ногу и потянул шнурок.

– Нет-нет, не разувайся, – поспешно сказала Вера Вячеславовна. – У нас кавардак, уборка, я еще полы не застелила.

Она пропустила мальчика вперед, он шагнул в солнечную комнату и, конечно, сразу остановился. Так же, как все, кто первый раз видел «Путь в неведомое». Картина висела почти напротив двери, невысоко от пола, и походила на узкое окно, окруженное коричневыми лаковыми карнизами. На картине был стиснутый бесконечно высокими скалами пролив. Среди скал металась птичья стая, а по

зеленоватой воде уходил корабль с темными, наполовину убранными парусами. Вода была гладкая, но от кормы бежал, расширяясь, змеистый след, и в нем извивалось отражение светлого кормового фонарика.

Сверху из-за скал вырывался плоский луч, а впереди – по свету на камнях и бликам на воде – угадывалась солнечная щель, выход из каменного коридора…

Те, кто входил в эту комнату впервые, всегда останавливались. Но смотрели на картину по-разному. Одним хватало нескольких секунд, кое-кто стоял долго и разглядывал внимательно, а иные тут же начинали расспросы. Мальчик замер и тихонько сказал:

– Ой…

И смотрел, не отрываясь, пока Вера Вячеславовна не окликнула:

– Садись вот сюда, в кресло… Чем бы пока тебя занять? Мальчик очнулся.

– Не надо меня занимать, – проговорил он почти испуганно. – Я просто так посижу. Посмотрю…

Он присел на краешек старого громадного кресла, повел глазами по стенам. На стенах были и другие картины: «Осень в старом городе», «Утренний берег», «Дождь на Театральной площади»… А еще были часы с маятником, похожим на круглый рыцарский щит, с медным солнцем и месяцем, которые тихо двигались вокруг эмалевого циферблата (когда-то часы висели еще у Иринкиной прабабушки; теперь они отставали за час на десять минут, но гость, разумеется, этого не знал).

– Ладно, посиди, – сказала Вера Вячеславовна. – А я пока повешу это сооружение.

«Сооружением» был плоский глиняный горшок с плетями ползучих растений, только вчера купленный в цветочном магазине. Горшок назывался «кашпо» и подвешивался на стену. Для этого к нему прикреплялась длиннющая медная цепь. Чтобы горшок повис на нужной высоте, гвоздь следовало вколотить у самого потолка. Вера Вячеславовна надела очки и нацеленным взглядом стала

отыскивать под потолком нужную точку.

Тогда мальчик сказал то, что она, по правде говоря, и ожидала:

– Давайте я помогу.

– Помоги. А то мне при моих размерах опасно прыгать по столам…

Они подтянули к стене полированный обеденный стол, мальчик опять хотел сбросить кроссовки, но Вера Вячеславовна сказала, что не надо, и постелила на стол газету. Мальчик вспрыгнул на него, ухватил молоток и гвоздь, вопросительно оглянулся.

– Стенка мягкая, деревянная, – объяснила Вера Вячеславовна. Только вбить надо повыше, где кромка обоев. Дотянешься?

Он потянулся вверх изо всех сил, приставил гвоздь.

– Так хорошо?

– Очень хорошо. Вобьешь?

– Главное, с первого раза попасть по шляпке, а не по пальцам, весело объяснил мальчик. Стукнул и попал по гвоздю. И бойко заработал молотком.

Стенка оказалась не такой уж мягкой, гвоздь шел с трудом. Колотить, стоя на цыпочках, было тяжело.

– Отдохни.

– Да нет… Ничего…

Вера Вячеславовна с непонятным беспокойством смотрела, как машет молотком тонкая рука, вздрагивают на воротнике колечки каштановых волос, ходят под рубашкой крылышки-лопатки. Мускулы на худых мальчишкиных ногах натянулись под загорелой кожей, как резиновые шнуры. На коленном сгибе

проклюнулась и задрожала синяя жилка.

«Как у Витюшки», – со щемящей ласковостью подумала Вера Вячеславовна и отчетливо вспомнила, как однажды девятилетний Витюх тянулся со стула к верхней полке стеллажа: он доставал словарь для своего юного дядюшки Пети, студента-медика. Легкомысленный Петька подкрался и легонько щелкнул племянника по такой вот жилке. Витюшка молча и мгновенно сложился, как карманный ножик на пружинке. И комочком полетел со стула. Петька со смехом подхватил его. Витюшка сперва рассердился и почти всерьез замолотил бестолкового дядюшку пятками и кулаками. Но тот захохотал и показал язык. Тогда Витюх вырвался и схватил диванную подушку. И они с Петькой начали носиться по комнатам, сшибая стулья. И Вера Вячеславовна всерьез разозлилась на них, потому что своим гвалтом они разбудили годовалую Иринку, и та принялась реветь…

Вера Вячеславовна вдруг подумала, что чаще вспоминает Витьку не длинным старшеклассником и не широкоплечим сержантом, каким он недавно приезжал в отпуск, а таким вот мальчишкой. Последние годы бежали почему-то удивительно быстро, и к большому Виктору она просто не успела привыкнуть. Конечно, она каждый день помнила и тревожилась о взрослом сыне в погонах с золотистыми буквами «СА» и широкой фуражке с черным околышем. Но о маленьком Витьке – исцарапанном и коричневом от солнца, озорном и ласковом, о веселом мушкетере в треснувших и замотанных синей изолентой очках – она вспоминала и печалилась так, будто он не вырос, а уехал на три смены в лагерь «Горная речка». И это несмотря даже на то, что подрастала и была всегда рядом Иринка…

Стук молотка прервался, и мальчик облегченно опустил руки.

– Все…

– Вот молодец. Отдохни, и повесим эту штуку.

– Я не устал.

Он ловко зацепил за гвоздь медную петельку, выровнял на цепи горшок, расправил зеленые плети растения и крутнулся на пятке (вместе с ним крутнулся газетный лист). Потом он одним движением заправил свою

аккуратную рубашечку под ремешок на бежевых шортах, тоже очень ладно сшитых, простроченных по всем швам коричневой ниткой. Чуть напружинившись, мальчик приготовился прыгнуть на пол.

Вера Вячеславовна едва удержалась, чтобы не протянуть навстречу руки. Но такая помощь, конечно, была не нужна мальчику. Он легко скакнул на паркет, выпрямился и глянул весело и полувопросительно: «Кажется, я справился. Может быть, что-то еще сделать?» Тогда она все же протянула руки и положила пальцы на его плечи.

– А теперь давай познакомимся по-настоящему. Меня зовут Вера Вячеславовна. А тебя, кажется, Юра?

– Да… Юра, – сказал он с легкой заминкой. Потом улыбнулся и, словно решив ответить откровенностью на ее сдержанную ласку, признался: – Вообще-то меня так почти никто не зовет. Разве что папа. Да и то он или «Юрик», или… – он с шутливой сердитостью свел брови, «Ю-рий»… А чаще всего меня зовут Журка.

Он, кажется, ждал тут же вопроса: откуда такое имя. А Вера Вячеславовна вспомнила, как он, развязывая шнурок, по-птичьи стоял на одной ноге.

– Журка-журавленок… – не то спросила, не то просто сказала она.

– Ну… не знаю. Это из-за фамилии. У меня фамилия Журавин… Я сам себя так прозвал случайно.

– Удачно прозвал… А как это получилось?

Он смешно сморщил переносицу.

– А… такой случай, прошлой весной еще. Нас в пионеры принимали, сразу весь класс, ну и столько забот было, репетиции всякие, форму специальную шили, концерт готовили, и все переволновались, конечно… Наконец, собрались в зале – и ребята и родители, и там у одной девочки бабушка пришла, активная такая. Про все расспрашивала, всем восхищалась. Мы построились, а она давай нараспев: «Ах вы, мои красавчики, ах вы, журавлики…» Я с краю стоял, мне нужно было первому Торжественное обещание давать. Я и так дрожал, а тут в

голове что-то совсем переключилось. Когда скомандовали, шагнул вперед и начал: «Я, Жура Юравин…» Все как грохнули. – Он вздохнул и покачал головой.

– Ну ничего, это бывает, – сказала Вера Вячеславовна.

– Да ничего, конечно… Потом все было как надо. А «Журка» ко мне так и приклеился… Теперь даже мама так зовет.

– Тогда и я буду так тебя звать… Давай, Журка, передвинем стол. Вот сюда… Прекрасно. Ты теперь посиди немножко, а я заправлю в суп макароны…

Когда Вера Вячеславовна вернулась в комнату, Журка не сидел. Он стоял перед картиной, нагнувшись и упершись ладонями в колени.

– Ты слишком близко рассматриваешь. Надо отойти подальше.

– Я знаю, я издалека уже смотрел… А сейчас я разглядываю, как это сделано. Просто чудо такое: пятнышки краски намазаны, а издали взглянешь – как живое…

– Нравится? – обрадовалась Вера Вячеславовна. – Это Иринкиного папы работа. Он у нас художник.

– Я догадался, – откликнулся Журка и опять оглядел стены. А потом, почуяв скрытый вопрос Иринкиной мамы, сказал: – А мой папа – шофер.

«Надо же! – удивилась Вера Вячеславовна и тут же насмешливо одернула себя: – А ты думала, что он обязательно сын доктора наук или артиста оперы? Ну и представления о людях у тебя! Как в девятнадцатом веке…»

– Папа – водитель первого класса, он всегда на самых тяжелых грузовиках ездит, – объяснил Журка. – Для него, чем больше машина, тем лучше… К нему в кабину заберешься – будто на второй этаж…

– А мама твоя кем работает?

– Мама… – Журка мельком улыбнулся. – Она, пожалуй, художница… Только не по картинам, а по костюмам. Она училась на модельера, потом ей там что-то не понравилось, и она стала работать машинисткой. Только она все равно постоянно шьет, ей нравится придумывать всякие костюмы. Она для молодежного театра у нас в Картинске столько всего нашила…

– То-то я любуюсь твоей рубашечкой: она как по заказу. Мамина работа?

– Конечно. Она для меня все сама шьет, даже школьную форму. Или в крайнем случае магазинную подгоняет как надо.

Вера Вячеславовна вздохнула: – Лет семь назад я бы обязательно упросила твою маму сшить рубашку для нашего Вити. А теперь он выше меня… Сейчас покажу, какой у Иринки брат.

Она принесла фотографию, с которой смотрел тонколицый симпатичный парень в больших очках и солдатской фуражке. Журка с минуту внимательно разглядывал снимок. Потом сказал доверительно и немного жалобно:

– Хороший брат… А у меня никого нет. Тоже хочется, чтобы кто-нибудь был: хоть большой, хоть маленький…

– Ну, может быть, еще будет, – осторожно утешила Вера Вячеславовна.

Журка шевельнул плечом и опять коротко сморщил переносицу.

– Мама говорит: «Вы, мужчины, лодыри, а мне одной такие хлопоты на старости лет…» Вера Вячеславовна засмеялась:

– Да сколько же маме лет?

– Тридцать два…

– Господи, да это самая молодость! Мне бы, старухе, такие годы…

– Что вы! Вы совсем молодая, – как истинный джентльмен, заспорил Журка. Смутился и чуть порозовел.

– Ладно уж, не утешай, – усмехнулась Вера Вячеславовна. – Лучше расскажи, как вы познакомились с Иринкой.

Журка охотно поведал о встрече в парке, и его рассказ был очень похож на рассказ Иринки. Только, вспомнив про резинку, Журка признался:

– Я сначала боялся угощать. Она старая, засохшая была…

– Между прочим. Иринка терпеть не может никакую жвачку, даже самую свежую и сладкую, – улыбнулась Вера Вячеславовна.

Журка немного удивился, а потом признался с насмешливым вздохом:

– Между прочим, я тоже. Меня еще весной кто-то угостил, она и завалялась в кармане. А вчера я из-за холода влез в джинсы и наткнулся на нее… – Он подумал и вдруг проговорила. – Вот ведь какая случайность. Если бы не было резинки, мы, может, и не познакомились бы.

– Это хорошая случайность, – сказала Вера Вячеславовна. – Да и вообще здесь много счастливых совпадений. Хотя бы то, что вам обоим пришла мысль пойти в парк. Погода-то была не для прогулок.

– А я всякую погоду люблю, – откликнулся Журка. – И незнакомые места люблю. Парк от нашего дома недалеко, вот я и пошел обследовать окрестности.

– Значит, вы совсем недавно в наш город приехали?

– Три дня назад. Ира первая, с кем я тут познакомился.

– Будем надеяться, что это неплохое начало, – слегка торжественно сказала Вера Вячеславовна. – Только знаешь что, Журка… Она не выносит, как зубную боль, когда ее зовут Ирой.

– Да? А вчера сама так назвалась.

– Это от смущения… Все ее зовут Иринкой, а отец Ришкой.

– Я запомню, – просто сказал Журка. И в это время затарахтел звонок.

– Легка на помине! – воскликнула Вера Вячеславовна.

Слегка запыхавшаяся Иринка влетела и замерла. Секунду смотрела на Журку, будто не узнавая. Потом сказала с еле заметной кокетливой ноткой:

– О! Ты уже здесь.

Повернулась к матери и с изящным реверансом протянула ей зонтик. Потом словно что-то стряхнула с себя и стала обыкновенной Иринкой. Весело спросила у Журки:

– Давно пришел?

– Пришел точно, как вы договорились, – ответила за Журку Вера Вячеславовна и легонько притянула его к себе. – И мы уже успели познакомиться. Кстати, Иринушка, этого товарища зовут не Юра, а Журка. Интересное имя, правда?

Иринка удивленно шевельнула бровями.

– Вообще-то это не имя, а прозвище, – смутившись, объяснил Журка.

Иринка серьезно спросила:

– А ты не обижаешься на прозвища?

– На это нет, – сказал он так же серьезно. – Меня первый раз так Ромка назвал…

– Кто же этот Ромка? – спросила Вера Вячеславовна.

– Это друг мой… был… – сказал Журка чуть потускневшим голосом. И тут же встрепенулся: – Ой, я ведь марки принес!

Веру Вячеславовну кольнуло беспокойство: почему «был»? Неужели у этого ясного и доверчивого мальчугана такой непрочный характер? Уехал в другой город, и, значит, оставшийся на старом месте друг – уже не друг?

Но почти сразу тревога прошла. Журка притащил папку, они с Иринкой рассыпали по столу марки, о чем-то дурашливо заспорили, сортируя марочные грудки и показывая друг другу штемпеля. Будто знали друг друга с первого класса…

Стоя у кухонной плиты, Вера Вячеславовна слышала, как Журка убеждает ее дочь:

– Да забирай все! Я эту природу все равно не собираю! Я только корабли, старинное оружие и всякие приборы: глобусы, секстаны, подзорные трубы. И еще маяки… Если у тебя появятся, ты ведь мне тоже…

Потом Иринка крикнула из комнаты:

– Мама! Знаешь, что мы надумали? В «Салюте» идут «Приключения Робин Гуда», мы хотим сходить на два тридцать!

– Прекрасная идея! Главное, очень свежая… Ты смотрела это кино два раза.

– Я тоже! – сообщил Журка. – Ну и что? Можно еще.

– А дома у тебя не подымут тревогу: куда девался ненаглядный сын?

– Не-е! Я отпросился до шести часов… И у меня есть рубль, как раз на два двухсерийных билета.

Вера Вячеславовна сказала, что, если поискать, рубль найдется и для Иринки. Тогда хватит и на кино, и на мороженое. Но, для того чтобы мороженым они не объедались, она сначала покормит их обедом. Таковы ее железные условия.

– Раз такие условия, делать нечего, – сказал в комнате Журка (и Вера Вячеславовна отчетливо представила, как он опять забавно сморщил переносицу). – Но вообще-то я могу не есть целый день.

– Охотно верю. Только сегодня этот номер не пройдет…

Через полчаса она стояла у открытого окна и смотрела сквозь надутую солнечным ветерком прозрачную штору на улицу. С третьего этажа было видно далеко. Иринка и Журка шагали в конце квартала. Они топали, слегка дурачась: взялись за руки и этими сомкнутыми руками взмахивали до отказа взад и вперед – в такт шагам. Потом остановились на углу. Иринка знала, что мама смотрит вслед, и помахала рукой. А Журка… Вере Вячеславовне очень захотелось, чтобы махнул и он. И Журка сделал это. Не так решительно, как Иринка, но поднял руку и качнул в воздухе ладошкой. Вера Вячеславовна помахала в ответ, хотя они не могли ее видеть издалека сквозь надутый пузырем тюль. И тут в передней опять позвонили.

Пришел муж. Он быстро взглянул на Веру Вячеславовну, излишне внимательно посмотрел по сторонам и оживленно сказал:

– Встретил Ришку с незнакомым отроком. Очень милая пара, шли в кино. Кто этот симпатичный кавалер?

– Вчера познакомились… Ну, как твой худсовет?

– Как нельзя лучше, приняли всю работу… А мальчуган славный! Догадалась, на кого он похож?

Вера Вячеславовна слегка нахмурилась. То, что Журка чем-то похож на Витюшку, было ее собственным открытием. Не хотелось, чтобы кто-то еще говорил об этом. Даже Игорь.

Но Игорь Дмитриевич, споткнувшись, шагнул в комнату и возбужденно повторил:

– Похож! Сейчас увидишь сама… Он взял со стеллажа альбом «Портреты Третьяковской галереи», торопливо залистал.

– Вот…

Это был «Портрет сына» художника Тропинина.

– В самом деле, – согласилась Вера Вячеславовна. – Что-то есть. Разлет бровей, волосы…

– Да вообще похож! Ты вглядись!

– Может быть, – ощутив прилив досады и словно защищая Журку, сказала она. – Странно только, что это сходство так взволновало тебя… Деньги получил?

– Да-да… Все в порядке.

– И, наверное, уже успел отметить с Иннокентием…

– Ну что ты, Вера! Он звал, конечно. Но я ни в какую. Ты же знаешь мою твердокаменность…

– Покурить, однако, уже успел…

– Всего полсигареты. Могу я сделать себе маленький подарок? Все-таки удачный день: спихнул такой громоздкий заказ…

– Обедать будешь? – устало спросила она.

– Разумеется! – бодро воскликнул Игорь Дмитриевич. – Мы же там почти не ели. Куснули чуть-чуть салатику…

Вера Вячеславовна пошла на кухню. Он, вздохнув, двинулся за ней.

– Не сердись, я же вполне… Пообедаю, а потом сяду за эскизы.

– Потом тебе надо сходить в поликлинику, – сказала Вера Вячеславовна. – Заходила медсестра, тобой опять интересуется кардиолог… Куда с немытыми руками? Иди в ванную… Дитя малое, честное слово…

А Иринка и Журка в это время шагали к троллейбусной остановке.

– Может, пешком пойдем? – предложила Иринка.

– Нет, лучше на троллейбусе.

– Тут ведь недалеко, и время есть…

Журка засмеялся:

– Да не в этом дело. Просто я почти не ездил на троллейбусе. У нас в Картинске их нет. Автобусы только.

– Ну и что? Одно и то же… Ладно, давай, если хочешь.

Журка чуть виновато сказал:

– Ты привыкла, а мне интересно.

Часть первая

ИГРА И НЕ ИГРА

Наследство

Журке все было интересно. Жить интересно. Хотя, казалось бы, жизнь его была самая-самая обыкновенная.

Почти все свои одиннадцать лет он прожил на краю Картинска, в двухэтажном деревянном доме, где они с мамой и отцом занимали одну комнату. (Правда, комната была большая, разгороженная шкафом на две половины, с высоким

потолком и большими окнами на солнечную сторону.) Город был маленький. В нем лишь недавно стали строить многоэтажные дома, да и то в центре и на южной окраине. А в Журкины окна была видна улица с растущими вдоль заборов лопухами, деревянные домики и огороды.

Огороды спускались к ручью, который назывался Каменка. За ручьем тянулась травянистая насыпь с рельсами. По рельсам то и дело стучали коричневые товарняки и зеленые пассажирские поезда. А два раза в сутки проскакивал красный московский экспресс. Пассажирские поезда нравились Журке: по вечерам прямо из комнаты видны были бегущие цепочки светлых вагонных окон…

В общем, он жил на тихой улице с громким названием Московская, бегал по ней в школу, смотрел фильмы в ближнем кинотеатре «Мир» и дальнем кинотеатре «Спутник», летом бултыхался в самодельной ребячьей купалке недалеко от железнодорожного моста через Каменку, зимой катался на санках с пологого берега, читал книжки про приключения, про дальние города и страны, смотрел телепередачи «Клуба кинопутешествий» и знал, что живет замечательно.

Он знал, что все ручьи текут в реки, а реки – в моря и океаны. И когда он опускал руки в струи грязноватой от мазута Каменки, то понимал, что соединяет себя с водами Атлантики и южных морей.

Когда он взбегал с Ромкой на крутую насыпь и прижимался щекой к теплым вздрагивающим рельсам, эти рельсы, как провода, подключали его к гудящей жизни всей Земли. Ведь они убегали, нигде не прерываясь, в самые далекие края.

Когда Журка сидел на подоконнике и рассматривал в бледном летнем небе звезды, он знал: тысячи разных людей, как и он, смотрят сейчас на те же звезды. Эти взгляды соединяли Журку со многими пока незнакомыми людьми.

Хороших людей было гораздо больше, чем плохих (хотя плохие тоже попадались, куда от этого денешься?). И хороших дней в жизни было во много раз больше, чем горьких и неудачных. Конечно, случалось всякое: и двойки с грозными записями в дневнике; и отвратительные ангины, когда распухает не только горло, а даже язык; и боль от расшибленных колен и разбитого носа; и томительная беспомощная тревога, если вдруг поссорятся мама и папа;

и ночные страхи; и тот безобразный случай в походе… Но все это были именно случаи. Как редкие тучки среди ясного лета.

Вот на такое лето и была похожа его, Журкина, жизнь. Наверно, потому, что он умел находить кусочки радости во всем. Даже когда волочились над крышами лохмотья осенних унылых облаков, Журка сравнивал их с разорванными бурей парусами и вспоминал, что дома не дочитана «Одиссея капитана Блада». Даже когда приходилось ронять слезы после маминых слов, что ей "не нужен такой двоечник, разгильдяй и лодырь, за которого приходится краснеть перед всеми родителями из четвертого "В", он знал, что вечером все равно мама подойдет, сядет на краешек постели, и они помирятся. И сквозь плач радовался этому.

И лишь когда пришло письмо о Ромке, все хорошее вокруг словно вздрогнуло и рассыпалось.

Журка плакал тогда не очень. Потому что плачь не плачь, что теперь сделаешь? Но не было в этих задавленных слезах и намека на какую-то будущую радость.

Потом оказалось, что и такая черная горечь не навсегда. Прошла она, а в оставшейся печали будто появились светлые зайчики. Ведь Ромка, несмотря ни на что, все-таки был. Целых два года он был у Журки, а прошлая жизнь, если ее не забывать, всегда остается с человеком. И друзья, которые были, остаются навсегда.

Ромка часто снился ему. Журка ждал этих снов, чтобы снова по-настоящему увидеться с Ромкой. Потому что наяву он вдруг стал забывать его лицо. Голос помнил, руки с облезшим на левом мизинце ногтем, похожую на черную горошину родинку на заросшей пушистыми светлыми волосами шее… А лицо будто уплывало. Словно Ромка уходил все дальше и дальше. А во сне он был прежний…

Журка быстро и охотно засыпал под шум недалеких поездов. Этот шум не мешал ему. Он все время напоминал, что есть дальние дороги, они протянулись по всей планете, и Журке тоже придется ездить по ним.

Впрочем, Журка ездил. Один раз с мамой в Москву, потом с мамой и папой в Феодосию, в дом отдыха. Случались и другие путешествия: в лагерь «Веселая смена», в областной город к дедушке – маминому папе. Но это были эпизоды.

Они лишь на время прерывали привычную жизнь на родной Московской улице. А Журка знал, чувствовал, что когда-нибудь эта жизнь изменится совсем и дороги унесут его из тихого Картинска надолго. Все изменится…

Изменилось раньше, чем он думал. Неожиданно.

Умер дедушка.

Это случилось, когда Журка был в лагере. Родители решили не волновать Журку, ничего ему не сказали. Съездили на похороны, оформили, какие полагалось, документы, устроили поминки. Короче говоря, сделали все печальные дела, которые выпадают на долю родственников, когда человек умирает.

К тому времени, как Журка вернулся, мама уже не плакала, хотя и была печальнее, чем всегда. Комната оказалась полупустой, а папа увязывал и упаковывал вещи. Решено было переехать в областной центр. После деда осталась небольшая, но приличная квартира, на которую, по словам отца, кто-то «хотел наложить лапу, но это дело у них не выгорело». А еще в разговорах звучало слово «завещание», и это удивляло Журку. Он думал, что завещания писались только в прежние времена про всякие там клады и дворянские состояния. Это было слово из романа «Граф Монте-Кристо». И вдруг – не в романе, а на самом деле. Впрочем, о завещании говорили мимоходом. Да и какое там наследство мог оставить одинокий, очень небогато живший дед?

Журка обиделся на родителей за то, что не сказали вовремя о дедушкиной смерти. Разве он такой ребенок, чтобы скрывать от него беды и горести? Но, если говорить по правде, печалился Журка не очень сильно. Дедушку он знал мало, видел редко и, кажется, никогда по нему не скучал.

Хотя, конечно, дедушка был очень хороший. И он совсем не походил на обычного дедушку. Просто пожилой мужчина, очень высокий, с залысинами над худым лицом, с мелкой седоватой щетинкой на щеках, которые были прорезаны длинными морщинами. Он прихрамывал, но ходил без палки и держался прямо. Носил он большие круглые очки, хотя и без них видел неплохо. Журке почему-то казалось, что очки эти насмешливо поблескивают, когда дед смотрит на папу и маму. А если дед имел дело с Журкой, очки он снимал: и когда разговаривали, и,

уж конечно, когда вскидывал Журку себе на плечи.

Он был крепкий, и руки у него были сильные (правда, и ласковые тоже). Еще в прошлом году, когда мама с Журкой встретили его на вокзале, он легко подкинул десятилетнего внука, посадил на себя и, почти не хромая, понес по улице. Журка немного стеснялся встречных ребят – не маленький уже, – но не просился на землю, только весело ойкал: от смущения и от того, что щетинистые дедовы щеки покалывают ему голые ноги.

Дед рассказывал Журке про разные интересные вещи: про раскопки старинных курганов, про то, как устроены латы древних рыцарей, и чем в испанском бое с быками матадоры отличаются от пикадоров и бандерильеров. Он научил Журку, как определять, молодой месяц в небе или старый, и как разглядеть в Большой Медведице незаметную восьмую звезду. А еще – запоминать названия парусов на больших кораблях и привязывать перья к стрелам для лука…

Иногда дед вспоминал, как в юности служил цирковым униформистом и плавал матросом по Каспию или как в детстве сделал с друзьями громадный змей, привязал к бечеве тележку, и змей тащил его, будто взнузданный конь, через луг. Пока бечева не оборвалась…

Один раз Журка попросил:

– Расскажи, как ты воевал.

Дед неохотно сказал:

– Да чего там воевал… Месяц был на позициях, а потом ногу искалечило, и отправили в тыл. И стал чиновником.

Но Журка знал, что чиновники водились только при царе, а месяц на позициях дед провел не зря: среди медалей «За трудовое отличие» и «Ветерану труда» были у него еще «За отвагу» и «За победу над Германией»…

В общем, славный был дедушка Юрий Григорьевич Савельев. Только встречался с ним Журка лишь на короткое время и редко – не чаще одного раза в году. Дважды Журка с мамой ездил к нему в «большой город», а иногда дед приезжал

сам. Но приезжал, видимо, без большой охоты. Журка догадывался, что отец и дедушка недолюбливают друг друга. Кажется, деду не нравилось, что мама вышла замуж за папу. Но он зря был недоволен: если бы мама и папа не встретились и не поженились, тогда, чего доброго, не появился бы на свет и Журка.

Прошлогодний приезд деда был последним. Этим летом Журка после лагеря собирался поехать к нему с мамой. А получилось вот как…

Было грустно, и в то же время от ожидания больших перемен в Журке звенели радостные струнки.

Перед отъездом Журка неторопливо попрощался с Картинском. Навестил приятелей (их немного осталось в городе в летнюю пору), обошел все улицы, где когда-то гуляли с Ромкой, заскочил в пустую школу, побродил по берегу Каменки, поплескался в купалке, а потом поднялся на насыпь и положил на рельсы пятак. Прогремел длинный состав с разноцветными контейнерами, и Журка поднял раскатанный латунный кружок. Звонкий и горячий. Положил его в кармашек на тонкой рубашке…

А поздно вечером все Журавины были уже на новом месте.

Утром отец отправился узнавать насчет контейнера с багажом, а Журка и мама поехали на кладбище.

Кладбище оказалось большим и каким-то слишком открытым, с чахлыми деревцами, замершими под ярким равнодушным солнцем. Совсем не похожим на то, что в Картинске.

Дедушкина могила была недалеко от бетонной стены, по которой прыгали воробьи. Журка увидел длинный бугор, заваленный бурыми увядшими цветами и венками с полинялыми лентами. Мама стала откидывать их, и тогда открылась рыжая глинистая земля, через которую пробивались травинки – как весной, хотя появился этот холм в середине лета.

Журка стоял, забыв положить на могилу астры, которые дала ему мама.

Над бугром поднимался решетчатый обелиск, похожий на модель буровой вышки. Он был покрыт какой-то нелепо веселой голубой краской. Сверху алела острая звездочка, а посредине била в глаза очень черная табличка с белыми буквами дедушкиного имени и с числами: когда родился и когда умер. Журка машинально сосчитал, что прожил дедушка шестьдесят один год, четыре месяца и четыре дня…

Мама встала рядом с Журкой и сказала тихонько:

– Мы с папой отдали дедушкину фотографию переснять на эмаль. Будет такой круглый медальон. Когда сделают, привинтим сюда, на памятник… Журка помолчал и спросил:

– Он на этой фотографии в очках?

– Да… А что, сынок?

– Так…

Журка отчетливо вспомнил, как дед снимал очки, когда наклонялся над ним. И понял – неожиданно, только сейчас понял, – что дедушкины глаза очень похожи были на Ромкины. Казалось бы, чего похожего? У Ромки – распахнутые, золотисто-карие, с чистыми голубоватыми белками, у деда – водянистые, с красными прожилками, с набрякшими веками и морщинками вокруг. Но смотрели они одинаково: с добротой и постоянным ожиданием чего-то хорошего…

И когда Журка вспомнил это, резко перехватило горло. Он переглотнул, тихо положил цветы и щекой прижался к маминому рукаву.

По глинистому холмику пролетела тень. Это подошли первые облака близкого ненастья.

Когда возвращались домой, облака загустели и закрыли небо. Солнце било последним лучом в золотистую щель с лохматыми краями. Этот луч высветил кирпичный трехэтажный дом, в котором была дедушкина квартира. Журке вспомнилась открытка с картиной какого-то очень давнего художника: там

среди темных деревьев, под круглыми сизыми облаками светилась красная мельница с громадным колесом. И сейчас было очень похоже (если забыть про колесо).

Дом построили давно. Еще, наверно, до революции. Он был по-старинному красив со своими карнизами, треугольными выступами под крышей и полукруглыми окнами на узком фасаде. Журка замечал эту красоту и раньше, а сейчас при свете одинокого луча она выступила особенно ясно.

Красный дом, как замок, поднимался над крышами других домов – двухэтажных и одноэтажных. В большом шумном городе здесь, недалеко от парка, сохранились тихие старые кварталы, и было как в Картинске. Оказалось, что есть даже речка, похожая на Каменку.

Но с речкой, где горбатился узорчатый железный мостик, с окрестными улицами и старым парком Журка познакомился позднее. А в первый день хватило хлопот дома – надо было устраиваться.

Квартира находилась на третьем этаже. В ней было две комнаты: одна большая и одна крошечная – как раз для Журки. А еще маленькая кухня и даже отдельная ванная. Не то что в Картинске, где одна ванная была на четыре семьи… Последний раз Журка был у дедушки три года назад и уже тогда заметил, что в комнатах очень мало вещей. Стол, два стула, узкий диван – вот и все. Мама сказала, что дед не терпел ничего лишнего. Он жил один. Бабушка – мамина мама – умерла очень давно. Дед женился было еще раз, но неудачно. Когда вторая жена ушла, а дочь окончила школу и уехала учиться, Юрий Григорьевич распродал мебель, купил кубометр досок и сколотил из них стеллажи от пола до потолка. Полки он заполнял книгами, которые покупал, где только мог.

Зарплата у деда была средненькая. Он долгие годы работал проектировщиком в каком-то управлении (что это за должность и что за управление, Журка понятия не имел). Год назад пришло время пенсии, тоже небольшой. Но книг дед собрал множество.

В Журкиной комнатке между стенкой и высоким окном стоял узкий стеллаж. Полок семь или восемь. Мама сказала:

– Эти книги дедушка оставил тебе.

– Как это мне? – удивился Журка. – Почему же не всем?.. А те, другие?

– Те как раз нам всем. А эти именно тебе. Специально… Дедушка их очень любил.

Журка растерянно оглядел полки…

В соседней комнате стояли Пушкин и Джек Лондон, Купер и Катаев, «Легенда об Уленшпигеле» и «Алиса в стране чудес». А здесь? Он видел облезшие кожаные корешки без надписей, края разлохмаченных обложек. Некоторые книжки были совсем без корочек.

Мама вышла, а Журка потянул с полки книгу. Наугад. Откинул тонкий самодельный переплет… Тихо вздохнул и сел на рыхлый надувной матрац, на котором спал прошлой ночью.

На грубой серой бумаге было отпечатано редкими старинными буквами:

ЖУРНАЛЪ

ПЕРВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ РОССІЯН

вокругъ Земнаго шара,

Сочиненный

подЪ ВысочайшимЪ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

покровительствомъ

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНIИ

главным комиссiонеромъ

Московскимъ Купцомъ Федоромъ Шемелинымъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Санкт—Петербургъ

въ Медицинской типографiи

1816

…Сначала Журка медленно листал, потом встряхнулся, обвел глазами полки. Вскочил, выдернул сразу несколько книг. Оказалось, что это два тома «Путешествий» капитана Головнина, изданные в 1819 году, и сразу три «Робинзона». Один был совсем старинный – 1789 года – и назывался почему-то «Новый Робинзон». Второй носил название «Робинзон-младший». На титульном листе стоял 1853 год, и Журка вспомнил, что, кажется, в этом году произошло Синопское сражение. Третий Робинзон оказался самым молодым – тридцатых годов нашего века. Зато он был самый толстый, и Журка с восторженной дрожью увидел, что там не только всем известные приключения на необитаемом острове. Там еще и вторая часть – дальнейшие путешествия Робинзона. Журка даже и не знал, что есть на свете такая книга…

За открытым окном захлопал листьями, резко зашумел тополь. Влетели в комнату холодные брызги. Упали на желтые страницы «Прелюбопытнейших Повhствованiй о Кораблекрушенiяхъ, Зимованiяхъ и Пожарахъ, случившихся на морh…» Журка машинально отодвинулся и даже не понял, что начался дождь.

Это брызгали волны, хлопали паруса и шумели ветры… Вошла мама.

– Давай-ка закроем окно. Кажется, будет гроза.

Журка никогда не боялся грозы. Даже если грохало и сверкало над самой головой. Он и сейчас ответил:

– Ну и что? Я не боюсь.

– Грозе все равно, боишься ты или нет. Сквозняк втянет молнию, и от такой нелепой случайности может быть большая беда.

Мама плотно прикрыла створки, посмотрела на обложенного книгами Журку, улыбнулась и спросила:

– Нравится? Интересно?

Журка сперва рассеянно кивнул, потом поднял глаза.

– Ма… Тут не только интересно. Тут дело даже не в этом…

Она ласково наклонилась над ним:

– А в чем, Журавушка?

Но он не знал, как сказать. Как объяснить радостное замирание души, когда думаешь, что, может быть, эту книгу читал в палатке под Измаилом Суворов или в селе Михайловском Пушкин. Вот эти самые страницы. Эти самые буквы. И книги рассказывали им то же самое, что ему, Журке. Они были как люди, которые за одну руку взяли Журку, а за другую тех, кто жил сто и двести лет назад. Тех, кто ходил в атаку под Бородином, писал гусиными перьями знаменитые поэмы, дрался стальными блестящими шпагами на дуэлях и мотался на скрипучих фрегатах среди штормовых волн Южного океана. У неоткрытых еще островов. Эта жизнь приблизилась к Журке, стала настоящей. И у Журки холодела спина.

– Мама, я не знаю… – Он помолчал и чуть не сказал про книги: «Они живые». Но отчего-то застеснялся.

Мама его поняла. Или по крайней мере поняла, что лучше его пока не расспрашивать. И пошла по своим делам. Дел-то было ой-ей-ей сколько…

А Журка опять потянулся к полкам и взял самую прочную и новую на вид книгу с золотыми узорами на корешке. Это оказались «Три мушкетера». Не такое старинное издание, как другие, хотя тоже с «ятями» и с твердыми знаками в конце слов. Отпечатанное на гладкой бумаге и со множеством рисунков. Журка обрадовался «Мушкетерам» – это были старые друзья – начал перелистывать, разглядывая картинки…

И увидел между страницами узкий белый конверт.

Видимо, дедушка решил, что, если все другие книги покажутся Журке неинтересными, то «Мушкетеров» он все равно пролистает до конца.

Тем же прямым почерком, каким раньше дед писал короткие поздравления на открытках, на конверте было выведено:

Юрику.

Журка сперва сам не зная чего испугался… Или нет, не испугался, а задрожал от непонятной тревоги. Оглянулся на прикрытую дверь, подошел к окну. Суетливо дергая пальцами, оторвал у конверта край. Развернул большой тонкий лист…

Дед писал четкими, почти печатными буквами:

"Журавлик!

Книги на этих полках – тебе.

Это старые мудрые книги, в них есть душа. Я их очень любил. Ты сбереги их, родной мой, и придет время, когда они станут твоими друзьями. Я это знаю, потому что помню, как ты слушал истории о плаваниях Беринга и Крузенштерна и как однажды пытался сочинить стихи про Галактику (помнишь?). Ты их еще сочинишь.

Малыш мой крылатый, ты не знаешь, как я тебя люблю. Жаль, что из-за разных нелепостей мы виделись так редко. В эти дни я все время вспоминаю тебя. Чаще всего, как мы идем по берегу Каменки, и я рассказываю тебе про свое детство и большого змея.

Этот летучий змей почему-то снится мне каждую ночь. Будто я опять маленький, и он тащит меня в легкой тележке сквозь луговую траву, и я вот-вот взлечу за ним.

Жаль, что так быстро оборвалась тонкая бечева…

В детстве я утешал себя, что змей не упал за лесом, а улетел в далекие края и когда-нибудь вернется. И его бумага будет пахнуть солеными брызгами моря и соком тропических растений. Наверно, потому я к старости и стал собирать эти книги: мне казалось, что они пахнут так же.

Впрочем, ерунда, старости не бывает, если человек ее не хочет. Просто приходит время, когда лопается нить, которая связала тебя с крылатым змеем. Но змей вернулся, я оставляю его тебе. Может быть, он поможет тебе взлететь.

Журка, вспоминай меня, ладно? Меня и другие будут вспоминать, но многие, даже твоя мама, скажут, наверно: жизнь у него не удалась. Это неправда! И ты про это не думай. Ты вспоминай, как мы расклеивали в твоем альбоме марки, говорили о кораблях и созвездиях, а вечерами смотрели на поезда.

И учись летать высоко и смело.

Ты сумеешь. Если тяжело будет – выдержишь, если больно – вытерпишь, если страшно – преодолеешь. Самое трудное знаешь, что? Когда ты считаешь, что надо делать одно, а тебе говорят: делай другое. И говорят хором, говорят самые справедливые слова, и ты сам уже начинаешь думать: а ведь, наверно, они и в самом деле правы. Может случиться, что правы. Но если будет в тебе хоть

капелька сомнения, если в самой-самой глубине души осталась крошка уверенности, что прав ты, а не они, делай по-своему. Не оправдывай себя чужими правильными словами.

Прости меня, я, наверно, длинно и непонятно пишу… Нет, ты поймешь. Ты у меня славный, умница. Жаль, что я тебя, кажется, больше никогда не увижу.

Никогда не писал длинных писем. Никому. А теперь не хочется кончать. Будто рвется нить. Ну, ничего…

Видишь, какое длинное письмо написал тебе твой дед

Юрий Савельев, который тоже когда-то был журавленком."

Журка дочитал письмо и сразу, не сдерживаясь, заплакал. Его резанули тоска и одиночество, которые рвались из этого письма. И любовь к нему, к Журке, о которой он не знал. И ничего нельзя уже было сделать – ни ответить лаской, ни разбить одиночество…

Напрасно дед боялся, что Журка чего-то не поймет в письме. Он понял все. В дедушкиных словах (будто не написанных, а сказанных негромким хрипловатым голосом) были не только печаль и любовь. Была еще гордость.

И поэтому в Журкиных слезах, несмотря ни на что, тоже была гордость…

Он спрятал шелестящий лист в конверт, а конверт под рубашку. Письмо было только ему. Одному-единственному. Он не хотел сказать о нем даже маме. Не потому, что здесь какая-то тайна, а просто они с дедом всегда говорили один на один, и сейчас был последний разговор.

Журка толкнул оконные створки. Холодные капли застучали по широкому подоконнику. Журка поймал несколько капель, провел мокрыми ладонями по лицу. Вытер его рукавом.

– …Ты опять открыл окно!

– Все равно нет грозы. Простой дождик.

Журка старался говорить обыкновенным голосом, но разве маму обманешь? Она торопливо подошла.

– Ты плакал?

– Вспомнил дедушку, – без всякого обмана сказал Журка. Потом встряхнулся. – Пойдем, я тебе помогу…

Они с мамой долго разбирали вещи. Развешивали одежду, расставляли по подоконникам посуду. Один раз Журка спросил:

– Мама, а дедушка умер сразу?

– Да, сынок. Он потянулся к верхней полке, чтобы взять книгу, и вдруг упал. У него как раз сидел сосед, который пришел за книгой…

– А разве дедушка знал, что скоро умрет?

– Почему ты решил?

– Ну… – сбился Журка (письмо лежало у него под рубашкой). – Он же завещание написал…

– Что ж… конечно. У него было уже два инфаркта, и последний год каждый день болело сердце…

«А таскал меня на плечах», – подумал Журка и через рубашку погладил письмо.

В это время приехал папа, злой и веселый. Злой потому, что контейнером с багажом на станции «еще и не пахло», хотя отправили из Картинска месяц назад. А веселый потому, что заехал в мебельный магазин и «ухватил» там две модные деревянные кровати и неширокую поролоновую тахту – для Журки. Кровати маме понравились, а про тахту она сказала:

– Ничего. Только цвет скучноватый.

– Зато недорого. Да и не было других. Не спать же парню на полу…

Грузчики и отец втащили тахту в комнатку. Журка скинул кроссовки, вскочил на нее, попрыгал. С тахты можно было дотянуться до верхних полок, куда Журка еще не добирался. Теперь он подпрыгнул и выхватил из ряда книг томик в желтой облезшей коже. Неловко повернулся и чуть не полетел на пол. Папа его подхватил.

– Не скачи, шею свихнешь… Дай-ка взглянуть. – Он взял у Журки книгу и открыл ее с конца. Покачал головой:

– Ну, насобирал дед музейных ценностей. И где только деньги брал?.. Юля, ты глянь…

Мама подошла, и он показал ей и Журке на обороте обложки лиловый штамп и размашисто написанные цифры: 65 р. Провел глазами по полкам.

– Это еще ничего. Есть томики – по полторы сотни стоят… Вот наследство! А, Юрка? Я спрашивал знающих людей, они говорят, что есть специальный магазин, где эти книжки за такие суммы продают и покупают…

Журка испуганно встал спиной к полкам.

– Папа, не надо…

– Что не надо?

– Не надо в магазин… Дедушка мне оставил.

Отец сказал с легким удивлением, но терпеливо:

– Я понимаю, что тебе. Но тебе они зачем? Это же не детская литература.

Журка упрямо проговорил:

– Все равно. Это книги…

– Ну какие книги! – уже раздражаясь, воскликнул отец и открыл титульный лист у той, что в руках держал. – «Экстракт штурманского искусства из наук, принадлежащих к мореплаванию, сочиненный в вопросах и ответах для пользы и безопасности мореплавания…» Что это тебе, «Дети капитана Гранта»? Тут и буквы-то такие, что не разберешь…

– Я разберу.

– Ну ладно. А к чему? Если моряком захочешь стать, не по этой же книжке будешь учиться. Она устарела на двести лет!

– Не хочу я моряком… Не в этом дело…

– В дурости твоей дело! – в сердцах сказал отец. – Ну, оставил бы «Робинзона», «Мушкетеров», это я понимаю. А к чему архивные сокровища? Они только специалистам нужны.

– Мне тоже нужны, – негромко, но четко сказал Журка и поднял заблестевшие глаза.

– Саша, не надо об этом. Потом… – тихо и торопливо сказала мама. И за локоть повела отца к двери.

– Я и потом не дам. Это мои! – звонко сказал Журка вслед. И сам удивился: никогда он с мамой и папой так еще не разговаривал.

Отец обернулся, вырвал локоть, присвистнул и медленно сказал:

– Ты смотри-ка… «Не дам», «мои»… Ну, давай посчитаем, у кого здесь чье… У тебя вон штаны из моих перешиты…

– Саша…

– Да подожди ты! «Саша», «Саша»! – взорвался отец. – У сыночка вон что прорезалось. Воспитали буржуйчика! Наследник…

Журка прижался лопатками к полке и сморщил лицо, чтобы не разреветься. Мама сжала губы, опять взяла отца за локоть и утянула из комнаты. За дверью она что-то тихо сказала ему. А отец опять заговорил негромко и зло:

– Да брось ты! Вон Пушкин стоит, Гоголь, Стивенсон – я их сам ни на какое барахло не сменяю. Даже Диккенса твоего, хоть и занудно он писал! Но у Юрки-то блажь!

Мама опять заговорила негромко, и опять отец ответил во весь голос:

– Ну ясно, где мне понять ваши тонкости! Мое дело вкалывать. Знаешь, романтика – штука полезная, но жить тоже надо по-человечески. А мы? Вместо мебели рухлядь, холодильник трясется, как припадочный, телевизор почти что этим книгам ровесник… Кстати, Юрке за две такие книги можно мопед купить…

Кажется, мама сказала: «Этого еще не хватало…» А потом опять заговорила неразборчиво. Журка, глотая слезы, прислушивался, но слов ее так и не мог понять. А отец вдруг воскликнул:

– Ну хорошо, хорошо! Не скажу об этом больше ни слова!.. Я пень, я молчу… Только пускай не ревет. Вот дамское воспитание: чуть чего – и сразу сырость из глаз! Недаром всю жизнь с девчонками играл…

На этом все и кончилось. Больше отец ни разу не завел разговора о книгах. Через час они с Журкой как ни в чем не бывало прибивали карнизы и вешали шторы. Журка два раза съездил себе молотком по пальцам, но не пикнул. Чтобы опять не услышать про дамское воспитание.

Отец на это воспитание и раньше любил намекать. Растет, мол, кисейная барышня. И насчет девчонок посмеивался. Но разве Журка виноват, что в том дворе на Московской жили в основном девчонки? Конечно, Журка играл с ними и, надо сказать, всегда по-хорошему. Но настоящим другом его был Ромка.

Кстати, Ромка никогда-никогда не смеялся над Журкой, они оба понимали, что главное в человеке – характер, а не то, что девчонка он или мальчик.

И здесь через три дня после приезда Журка ничуть не жалел, что познакомился в парке с Иринкой, а не с каким-нибудь Вовкой или Сережкой (тем более, что такого, как Ромка, на свете все равно больше нет). Иринка была веселая, хорошая. И мама ее тоже. И дома у них было так здорово – особенно та картина с кораблем. В этом корабле было что-то знакомое… Вот что! Он словно пришел из дедушкиных книг…

Кто такие «витязи»?

На остановке было много людей. Когда подошел троллейбус, они разом кинулись к дверям. Но сердитый голос водителя прокричал через динамик непонятное слово:

– Дрынка!

Будто заклинание какое-то. И почти все отступили. Некоторые ворчали. Но Иринка заторопила Журку:

– Пойдем, пойдем, нам годится. В троллейбусе оказалось много свободных мест.

– Садись к окошку, тебе все видно будет, – предложила Иринка.

Неторопливо – трюх-трюх – троллейбус поехал по бугристому асфальту. Смотреть на незнакомые места было интересно. Сначала Журка видел красивые старые дома, потом за окном потянулся травянистый склон. Журка, выгнув шею, глянул вверх. На крутом холме стояла древняя церковь с облупившейся колокольней…

– Это Макова гора, – сказала Иринка.

– Почему Макова?

– Говорят, на ней раньше маки цвели… А сейчас только одуванчики… Мы зимой здесь на санках и на лыжах катаемся, только с другой стороны, где машины не ходят.

– Хорошая гора, – одобрил Журка.

– А недавно здесь детское кино снимали: про двух мальчиков, которые самодельный самолет построили. Многих наших ребят приглашали на съемки…

– И тебя?

– Да ну… Я и не пыталась. Там не таких выбирали.

– А каких? – удивился Журка и, оторвавшись от окна, взглянул на Иринку.

– Таких… симпатичных. Чтоб смотреть приятно…

«А на тебя разве не приятно?» – чуть не спросил Журка, но смутился и сказал другое:

– В кино всяких людей снимают, не только красавцев. Главное, чтобы талант был.

– Ну да. А если ни таланта, ни внешности?

– Чего ты на свою внешность напустилась? – проговорил Журка с суровой ноткой. – Человек как человек…

– Нет, – вздохнула Иринка. – У меня рот акулий и зубы пилой.

– Какой пилой?

Иринка приподняла верхнюю губу. В самом деле, нижние краешки зубов были скошены на одну сторону и торчали неровно, как зубчики маленькой пилы.

– Ну и что? – сказал Журка. – Это даже… интересно.

– Уж куда как интересно!.. А еще конопушки эти круглые. Не лицо, а божья коровка.

– Да их и не видно совсем.

– Это сейчас не видно, а весной знаешь как…

Журку смущал такой разговор. Но он чувствовал, что Иринка говорит не всерьез. Видно, она просто решила показать: вот, мол, я какая, не жалей потом, что подружился…

Журка хотел сердито сказать, что терпеть не может дамских бесед о красоте. Разве в ней дело? Но в это время троллейбус остановился, двери зашипели, и водитель опять недовольно закричал:

– Дрынка!

– Почему он всех какой-то «дрынкой» пугает? Что за «дрынка»? спросил Журка.

Иринка широко открыла глаза. Потом охнула и начала смеяться:

– Это он говорит «до рынка». Рядом с рынком троллейбусный парк, вот он туда и едет, потому что работу кончил. А вообще этот шестой маршрут ходит на «Сельмаш»… Нам-то все равно по пути, а другие сердятся. Ждут, ждут, а он… Он: «Дрынка»!.. Ой, ты не обижайся, что я смеюсь.

– Я не обижаюсь, – проворчал Журка. – Просто глупо. Сказал бы по-русски: «Еду в парк, товарищи».

– Тогда непонятно, в какой парк. Может, в парк культуры и отдыха, туда, где мы вчера были. Там у него конечная остановка… Ты обратно на этой «шестерке» до самого дома доедешь.

«Шестерка» снова тряхнулась и поехала.

– Ой, а о чем мы недавно говорили? – спохватилась Иринка.

– О твоих конопушках, – безжалостно сказал Журка.

– Да… – сразу опечалилась она. – И о зубах… Я даже удивляюсь, с чего ты решил со одной познакомиться.

Журка усмехнулся:

– Значит, если знакомишься, надо человеку в зубы смотреть, как лошади? И конопушки считать?.. Ты сказала «пошли», я и пошел с тобой.

– Между прочим, это ты сказал «пошли».

– Между прочим, ты. Я и не мог, я как раз тогда губу облизывал, видишь, на ней трещинка.

– Ну… ладно. Зато ты стал резинкой угощать.

– А ты не отказывалась.

Иринка опять засмеялась:

– Неудобно отказываться. Жевала и страдала.

– Подумаешь, страдала. Вот я сегодня страдал…

– Когда?

– Над молочным супом. Я его больше всего на свете не терплю. Первый раз в жизни до конца съел. Да еще с пе-енками… – Журка передернулся.

– Ой, а почему же ты не сказал?

– В гостях-то!

– Я маме скажу, чтобы никогда больше…

– Не вздумай!.. А то каждый день буду резинками кормить.

Иринка жалобно попросила:

– Только не такими твердыми. А то потом потихоньку я целый час плевалась, когда ты меня по парку таскал.

– Я таскал? Я там и дорог-то никаких не знал! Ты сама: «Пойдем еще куда-нибудь», я и пошел…

– Ага? Сам же все спрашивал: «Вон за теми деревьями что? В том домике что? А лодочная станция где?»

– А ты сама: «Хочешь, летний трамплин покажу? Хочешь на детскую железную дорогу?»

– А ты не отказывался…

– А ты… – Журка хлопнул губами, моргнул и заулыбался. – Сдаюсь. Ты меня переговорила. Скоро приедем?

– Уже. Остановка.

Они выскочили из троллейбуса на горячее солнце. Иринка сказала, продолжая разговор:

– Все-таки здорово мы познакомились. Раз – и готово! Я так быстро ни с кем не знакомилась. А ты?

– Я?.. – Журка сбил шаг, потом чуть опередил Иринку, ступил на узкий поребрик тротуара, пошел балансируя. И, не оглянувшись, тихо сказал: – Я один раз… Еще быстрее.

Тогда он так же шел по гранитному поребрику у школьного забора… Это было первого сентября, три года назад. Журка очень рано пришел к школе, знакомых ребят не увидел и стал развлекаться, изображая канатоходца.

Потом он заметил, как на узкий гранитный барьерчик шагах в пятнадцати от него встал незнакомый мальчик. И пошел навстречу.

Они сошлись. Теперь все зависело от характера и настроения каждого. Разные ведь бывают люди. Кто-нибудь мог сказать: «Не твоя дорога» – и пойти напролом. Или честно вытянуть руку: кто кого столкнет – как на спортивном бревне. Или просто шагнуть в сторону, обойти встречного и снова встать на поребрик – будто и не было ничего.

Мальчик наклонил голову и глянул из-под светлых прядок немного застенчиво, но весело и как-то выжидающе. Журка, сам не зная почему, тоже нагнул голову и заулыбался. Не сговариваясь, не сказавши ни словечка, они сделали еще полшага и легонько стукнулись лбами. Уперлись ими, как бычки. Журка близко-близко увидел золотистые мальчишкины глаза. Мальчик тоже улыбнулся и тихонько сказал:

– Му-у…

Они засмеялись, взяли друг друга за руки и прыгнули с поребрика. Не выпуская ладошек мальчика, Журка спросил:

– Ты кто?

– Ромка…

Оказалось, он совсем недавно приехал в Картинск, и его записали в эту школу, тоже во второй "В".

Так, держась за руки друг друга, они вошли в класс и сели за одну парту…

– Мы познакомились в одну минуту… нет, за несколько секунд. И потом не расставались целых два года, – серьезно сказал Журка.

– С кем?

– С Ромкой.

– А, я помню, ты говорил… Вы поссорились потом, да? осторожно спросила Иринка.

– Мы?! – Журка сбился и соскочил с поребрика. – Нет, что ты. Мы никогда не ссорились… Он погиб вместе с родителями. Они поехали в своей машине на Украину и там разбились… В прошлом году.

Дальше они пошли с опущенными головами. Медленно и без всяких слов. Потом Иринка сбоку быстро глянула на Журку. Ей показалось, что своим воспоминанием о Ромке он отгородился, как стеклянной стенкой. Вроде рядом, но все равно один. А она что могла сказать? Ей было жаль и Журку, и незнакомого Ромку, и почему-то себя. И страшновато сделалось: вдруг Журка вздохнет и скажет, что ему расхотелось в кино и он пойдет домой… Но он тряхнул головой и сказал:

– Ну, где это кино? Далеко еще?

– Нет! – обрадовалась она. – Вон там, за углом. Пошли скорей.

И они опять сцепили пальцы и замахали на ходу руками…

Оказалось, что «Робин Гуда» уже не показывают и на дневных сеансах идет какой-то «Питер и летающий автобус». Зато у кассы не было очереди. Иринка с Журкой решили, что «автобус так автобус», и купили билеты.

У входа в кинотеатр стояли трое ребят. Стояли расхлябанно, смотрели вокруг не по-хорошему. Сразу было видно, что за люди. Особенно старший, класса из восьмого, – сытый такой, с лицом, похожим на распаренную репу, с волосищами до спины… Чем ближе до них было, тем страшнее делалось Иринке. Одна она не боялась бы, но к таким, как Журка, хулиганы всегда привязываются. Она шепотом сказала:

– Не пойдем пока. Ну их…

Но было поздно. Все трое уже с ухмылкой смотрели на Иринку и на Журку. Старший, зевнув, сказал:

– Какие красавчики. А?

И тогда что сделал Журка? Он прочно взял ее за руку и повел прямо на этих типов. И они расступились. Правда, один, все ухмыляясь, подставил ногу, но Журка спокойно перешагнул. Иринка тоже перешагнула. Журка повел ее дальше, не оглядываясь. Кто-то из парней грозно, как Змей Горыныч, гыкнул им вслед. Журка провел ее еще несколько шагов – туда, где было многолюдно и безопасно, и оглянулся. Небрежно спросил:

– Больные, что ли?

Потом сказал Иринке:

– Пошли за мороженым.

…Кино оказалось так себе, хотя и фантастика. Но ничего, смотреть можно. Когда вышли на улицу, Журка весело проговорил:

– Вот бы нам такой автобус! Путешествуй по воздуху, и горючего не надо!.. Только скорость маленькая, не то, что у самолета.

– А ты летал на самолете?

– Один раз, на юг…

– У нас в парке, где сейчас площадка для городков, раньше настоящий самолет стоял, Ил-18. В нем детское кино было. Потом его сожгли, – вздохнула Иринка.

– Зачем? – удивился Журка.

– Да ни зачем… Такие дураки, как те, что у дверей торчали… Журка, ты боялся, когда меня мимо них тащил?

Журка шевельнул плечом. Она поняла, что боялся, но говорить про это не хочет. И врать не хочет. Журка наконец сказал:

– Они только и ждут, чтобы их боялись… Ух, мы в нашей школе дали одному такому! Все лез, лез на маленьких, пока не наткнулся на витязя…

– На кого? Журка улыбнулся:

– На витязя. Ребят нашего класса витязями называли. Потому что мы, когда еще второклассниками были, сделали себе костюмы богатырей для парада октябрятских войск… У всех там пилотки или бескозырки да бумажные воротники матросские, а у нас шлемы, щиты серебряные, кольчуги… Знаешь, кольчуги отлично получаются из больших авосек, надо только, чтобы нитки были потолще…

– Ой, как интересно! Вы, наверное, лучше всех были, да?

– Ну… в общем, не хуже других. Тридцать витязей прекрасных и с ними дядька Черномор…

– А кто был дядька?

– Конечно, наша Лидия Сергеевна. Специально себе бороду до полу сделала и шлем с якорем на макушке… Только ей, говорят, попало потом за это…

– За что?

– Ну, за все… За Черномора. Директорша ей сказала: «Это же несерьезно. Все учителя на сцене, а вы впереди своих ребят как девчонка прыгаете»… Ей за нас часто попадало. И за ту драку тоже досталось. Но она все равно нам сказала, что мы молодцы…

– В тот раз, когда хулигана отлупили?

– Да… Это в прошлом году было. Его звали Дуля. Он к нашему Вадику Мирохину привязался. Тот над фонтанчиком нагнулся, чтобы попить, а Дуля его бац по затылку… Ну, Валька губы разбил… Мы тогда встали поперек коридора и стали ждать Дулю. А он большой был, в шестом классе учился. Но мы все равно как навалились! И давай его кедами и сандалетами обрабатывать! Он заревел, дежурные учителя сбежались… Нас потом за это в пионеры не принимали до

самого конца учебного года…

– Весь класс?

– Тех, кто не дрался, хотели принять, а мы сказали, что будем вступать только все вместе… Мы всегда друг за друга стояли, нас Лидия Сергеевна этому с первого класса учила. Иринка сочувственно сказала:

– Наверно, жалко было из такой школы уезжать…

– Да нет… Не очень жалко. Лидии Сергеевны уже с нами не было. В прошлом году в июне мы сходили с ней в поход, а после она уехала из города… А в четвертом классе нас расформировали. Кого – в спортивный класс, кого – в новую школу. Почти не осталось витязей.

– Плохо стало?

– Ну, не совсем плохо, но не так, как раньше… Скучнее. Да и Ромки уже не было.

Чтобы Журка опять не загрустил. Иринка быстро сказала:

– Теперь я понимаю, почему ты такой смелый…

Смелый?.. Нет, Журка не отличался среди витязей смелостью. Скорее, наоборот. Правда, про это «наоборот» никто не знал. Только Ромке он признался однажды, что «жутковато» чувствует себя вечером в коридоре, когда перегорает лампочка или если мама с папой ушли в кино на последний сеанс, а за окнами скребется, как нечистая сила, ветер… Но Ромка – это другое дело. Он все понимал и тоже ничего не скрывал от Журки. Только говорил, вздыхая: «Надо нам себя перебарывать…»

Но Журка не умел бороться со страхом, и потому произошел тот постыдный случай в походе.

Ночь стояла пасмурная, кое-где под тучами загорались отблески молний. Страшновато было даже у палаток, хотя рядом находились Лидия Сергеевна и

ее муж Валерий Михайлович. А Журке выпало по жребию стоять в карауле у дальней границы походного лагеря. Ему вручили пневматическую винтовку без пуль и велели стрелять вхолостую, если появится что-нибудь подозрительное. Отвели его на место и оставили одного.

И сразу стало тихо-тихо. Все голоса почему-то угасли и отблески костра пропали во мраке. Журка стоял, обмирая и не двигаясь. Наверно, сто часов стоял. И были только тишина и редкие зарницы… Может, ребята незаметно свернули лагерь и ушли, позабыв про Журку? Или вообще уже никого нет на свете, и он один здесь на тысячу верст в округе?

Нет, кажется, не один… Нет-нет! Потому что вон там в траве кто-то зашевелился. Тихо задышал… Мамочка, кто это? Бандиты и грабители? Шпионы? Или вообще что-то мохнатое и непонятное? Выстрелить?

Но тогда оно – это что-то мохнатое и непонятное – сразу заметит Журку и накинется! Замереть? Но оно все ближе… Журка, не дыша, сделал шаг назад, еще шаг, еще… И побежал!

И почти сразу наткнулся на Лидию Сергеевну. Вскрикнул. Она спросила веселым шепотом:

– Журкин, ты что?

Он вцепился в нее левой рукой (правой держал винтовку) и, вздрагивая, пробормотал:

– Там кто-то шевелится… в траве…

– Где? Ну-ка пойдем.

С Лидией Сергеевной было не страшно. Они прошли вперед, к самой дороге, обшарили кусты.

– Ветерок в траве пошевелился, – сказала Лидия Сергеевна. – Все в порядке.

Тогда Журка ужаснулся тому, что сделал. Сел в траву, положил винтовку, обнял себя за ноги и негромко заревел. Не стесняясь. Потому что все равно с ним было кончено. Если человек струсил и позорно сбежал с поста, что он за человек? Лидия Сергеевна села рядом.

– Юрик… Журавлик, перестань. Ты же часовой.

– Ну какой я часовой, что вы говорите, – с отчаянием сказал Журка. – Я трус.

Теплые слезы падали ему на колени и щекочущими струйками бежали в сапоги. Журка вытирал их со щек ладонями и галстуком – еще новеньким, но уже слегка прожженным сегодня у костра. Ну и пусть! Галстук все равно отберут за трусость. И правильно сделают.

– Вовсе ты не трус, – возразила Лидия Сергеевна. – Просто немножко растерялся. А потом применил хитрость: отступил, чтобы из укрытия проследить за опасностью.

Он всхлипнул, подумал секунду и сказал с полной беспощадностью к себе:

– Это вы сочинили. А по правде все не так. На самом деле я струсил, и нечего тут говорить.

– Ну ладно, – сказала она и положила ему ладонь на дрожащую спину. – Ты испугался. Но от этого не случилось пока никакой беды, и все можно поправить.

– Как? – с надеждой спросил Журка.

– Очень просто. Никто ничего не знает, кроме нас с тобой. Это наша тайна. Сейчас ты встанешь на прежнее место и достоишь вахту до конца. И не будешь бояться.

– Я достою, – торопливо сказал Журка и вытер о колено мокрый нос. Я, наверно, буду бояться, но достою, честное пионерское…

И выстоял. Даже не очень боялся, потому что догадывался, что Лидия Сергеевна где-то совсем поблизости. Да и сроку-то оставалось всего ничего. Минут через

десять его сменил Димка Решетников, который не боялся не только всяких ночных шорохов, но даже директора школы.

И никто-никто из витязей не узнал, как оскандалился Журка ночью. Даже Ромка. Потому что Ромки не было в этом походе. Он очень просился, но родители торопились на Украину…

Журка не стал, конечно, рассказывать Иринке про этот случай. Когда она сказала, что Журка смелый, это было приятно. Однако для очистки совести Журка отмахнулся и небрежно проговорил:

– Я? Да ну… Всякое в жизни бывало.

Иринка посмотрела на него с уважением, и они зашагали к троллейбусной остановке.

Ночные приключения

Когда Журка пришел домой, отец сказал в пространство:

– Кто-то гуляет, а кто-то, между прочим, весь день скребется, квартиру приводит в божеский вид…

– Это я его отпустила до шести часов, – заступилась мама. – Надо же и отдохнуть ребенку.

– Интересно, от каких трудов, – хмыкнул отец.

У Журки было хорошее настроение. Кроме того, он видел, что папино ворчание не всерьез, а по привычке.

– А что, есть работа? – весело спросил Журка. – Я готов!

– Раз готов, пошли вешать люстру…

Отец забрался на стол и начал отвинчивать пыльный треснувший плафончик, оставшийся от дедушки. Журка держал наготове новый светильник со сверкающим латунным стержнем. Мама протирала большие стеклянные колокольчики – плафоны для этого светильника. Только Федот бездельничал. Он сидел у порога, шевелил кончиком хвоста и пренебрежительно смотрел на всех малахитовыми глазами. Мама сказала:

– Журка, пора подумать, в какую тебя школу записать. Тут рядом сразу две…

– Не надо ничего думать, – быстро сказал Журка. – Только в четвертую. Она в трех кварталах отсюда, в Крутом переулке. Мама, и попроси получше, чтобы в пятый "А" записали.

– Ты уже с кем-то познакомился?

– Еще вчера…

– В нашем дворе?

– Нет, она не здесь живет. На нашей улице, только в другом конце, где новые кварталы. А школа как раз посередине между нами.

Отец под потолком неразборчиво хмыкнул. И Журка сообразил, что он услышал слово «она».

– Ты чего? – слегка ощетинился Журка.

– Да ничего, – насмешливо сказал отец. Журка сердито поддал коленкой светильник и спросил, задрав голову:

– Папа… Если тебе так не нравятся девочки, зачем ты с мамой познакомился? Да еще женился…

Мама обрадованно засмеялась. Отец растерянно замер на столе, потом сердито заковырял отверткой и сообщил с высоты:

– Это не я. Это она меня охмурила.

– Бессовестный, – сказала мама. – Сам целыми вечерами торчал под окнами… А кто меня возил за цветами на своем жутком драндулете? Представляешь, Журка, он приезжал на свидания на старом самосвале!

– Мы народ простой, – проворчал отец. – На «Волгах» не ездим. Чем богаты… Юрий, давай люстру.

Через пять минут отец с победным видом спустился на пол и нажал выключатель. Стеклянные колокольчики засияли. Федот одобрительно сощурился на них. Мама сказала:

– Ну вот, совсем другое дело. Сразу обжитой вид…

Журка крикнул «ура» и прыгнул отцу на спину.

– А ну прекрати! Вот фокусы! – закричал отец. – Оглобля такая, а все как в детском садике!

Он всегда так возмущался, когда Журка прыгал на него. Но сперва покричит, а потом несет Журку до кровати или дивана. И только там скидывает: «Брысь!» И Журка весело летит вверх ногами.

Так и сейчас получилось. Отец унес его в маленькую комнату и, тряхнув плечами, сбросил на тахту.

С тахты Журка никуда не пошел. Дотянулся до первой попавшейся книги, устроился с ней поудобнее и лишь тогда открыл темную кожаную корку.

Открыл медленно, со сладким и тревожным ожиданием. Что за этой старой, потрескавшейся кожей? Какие времена, какие люди? Какие тайны?

Книга называлась «Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 год».

«Вот это да…» – ахнул про себя Журка и почему-то сразу вспомнил картину Айвазовского «Девятый вал». Он видел ее однажды в старом «Огоньке» и потом подолгу рассматривал, гадая, погибнут или спасутся люди, плывущие на обломке мачты, – на них двигалась освещенная пробившимся солнцем водяная гора…

Под названием книги Журка прочитал стихи:

Судно по морю носимо,

Реет между черных волн;

Белы горы идут мимо:

В шуме их надежд я полн.

Державин.

Журка знал, что Державин – это был старый поэт, которому юный Пушкин читал на экзамене в лицее стихи. (Пушкин тогда очень волновался и даже убежал из зала.)

Журка перечитал державинские строчки, и они ему понравились. Было похоже на «Песню о Буревестнике», которую очень любила мама (и Журка тоже):

Между тучами и морем

гордо реет Буревестник,

черной молнии подобный…

Море словно вздыбило перед Журкой пенные громады. Как однажды в Феодосии…

Белы горы идут мимо:

В шуме их надежд я полн…

В картине «Девятый вал» тоже была надежда: может быть, ревущий гребень помилует потерпевших крушение. Ведь недаром пробился солнечный луч!

На титульном листе тут и там виднелись желтоватые пятнышки – как веснушки. И Журка подумал, что, наверно, это высохшие брызги морских волн.

Журка перевернул страницу и на оборотной стороне листа прочитал: "С разрешения Морского Ученого Комитета. 24 ноября 1855 года. Председатель Вице-Адмирал Рейнеке".

Эта набранная редкими буквами фамилия сразу напомнила Журке другую книгу. Он ее нашел вчера на самой верхней полке. Это было большое альбомное издание старой немецкой сказки про хитрого лиса Рейнеке. Сказка оказалась в стихах, и читать ее Журка пока не стал. Но зато долго и с удовольствием рассматривал большие иллюстрации со всякими зверями – героями книги.

И сейчас Журке показалось, что вице-адмирал Рейнеке был похож на ехидного узколицего лиса. «Наверно, злюка был, – решил Журка. Небось, лупил по зубам матросов, а с крепостных крестьян в своих имениях драл три шкуры…»

Но он тут же перестал думать о противном адмирале, потому что на следующей странице увидел крупные печальные слова:

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА,

лейтенанта

ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА АНДРЕЕВА,

погибшего на корабле «Ингерманланд»

31 августа 1842 года.

И понял, что писал эту книгу настоящий моряк – знающий, что такое бури и опасные плавания.

…Журка неторопливо, по порядку прочитал предисловие, список всех погибших судов, узнал, что числа с маленькой буквой "п" означают количество пушек на корабле, а крошечная звездочка перед названием говорит про то, что при крушении этого судна погибли люди.

Названий со звездочкой было меньше, чем без звездочки, но все же очень много…

Рассказ о первом крушении был не очень страшный.

«1713 г. Корабль (50 п.) „Выборг“. Командир Капитан-Командор В.Шельтинг (Финск. з.). В погоне, с эскадрою Вице-Адмирала Крюйса, за тремя шведскими кораблями, 11 июля, у Гельсингфорса, стал на неизвестный камень, наполнился водою и был сожжен. Командир оправдан в потере корабля, но обвинен в деле самой погони, и за то понижен чином. Государь Петр Великий сам был в числе судей по званию корабельного Контр-Адмирала Петра Михайлова».

Журка представил каюту флагманского корабля с коричневыми дубовыми стенами и решетчатыми окнами, длинный стол, капитанов и адмиралов, которые сурово качают пудреными париками, Петра Первого с колючими усами. Он сердито постукивает о палубу ботфортом и пристально глядит на понуро стоящего капитана-командора Шельтинга. «Еще легко отделался», – подумал Журка про неудачливого командира «Выборга». Недавно он смотрел четыре серии нового фильма про Петра и знал, что шутки с ним были плохи.

О втором крушении в Российском флоте говорилось только тремя строчками. Но эти строки заставили Журку вздрогнуть.

"* 1715 г. Корабль (54 п.) «Нарва» (Финск. з.). Стоя на Кронштадтском рейде, 27 июня взорван от удара молнии. Погибло до 300 человек; спаслось только 15".

Журка насупленно посмотрел в потемневшее вечернее окно. В судьбе «Нарвы» была несправедливость. Одно дело – буря, удар о скалы, разбитый корпус. Тогда ничего не поделаешь, море есть море. Или бой, когда корабли идут ко дну от вражеских залпов. Страшно, и обидно, и все же понятно: это военные корабли; кто-то побеждает, кто-то гибнет… Но если стоишь на родном рейде, ничего не ждешь – и трах! – столб огня на месте стройного корабля, и вмиг нет на свете

трехсот человек… За что им такой конец?

Это случилось очень давно, только Журку такая мысль не успокаивала. Потому что все равно это было. Не в кино, не в придуманной книжке, а в настоящей жизни. И то, что этих людей все равно бы не было сейчас на свете, доживи они хоть до самой глубокой старости, Журку тоже не утешало. Потому что для него, для Журки, словом «сейчас» называлось нынешнее время, а для тех людей тоже когда-то было свое «сейчас». И вдруг перестало быть! Пылали и сыпались в воду с высоты обломки, гремели в порту сигнальные колокола, бежала на берег толпа…

Почему так? Ничего не ждешь, и вдруг – молния!

Журка вспомнил недавний разговор с мамой: «Грозе все равно, боишься ты или нет…»

И в самом деле: молниям все равно. Они бьют неожиданно, без разбора, бессмысленно.

«Молнии – это не только если гроза, – подумал Журка. – Это вообще…»

Это когда по гладкому асфальту мчится с веселыми добрыми людьми машина, и вдруг – в один миг – звон, грохот, дым и обломки. И Ромки уже нет, нет, нет…

«А сколько таких молний в жизни у разных людей…» – со злостью и беспомощной обидой подумал Журка.

От грозы можно закрыть окна, поставить громоотводы (моряки «Нарвы», наверно, еще не знали про них). А если беда врывается к тебе при ясном небе? Если со смехом прибегаешь домой, а бледная мама тихо говорит: «Журавушка, тут вот письмо… Ты постарайся не плакать, малыш…»

А зачем стараться? Не все ли равно? Плачь не плачь…

«Это не молнии, которые в тучах, – подумал Журка. – Это черные молнии. Каждая такая беда – черная молния. Знать бы, как их отбивать…»

Вот если бы придумать специальную машину. Громадную, кибернетическую! Такую, чтобы заранее узнавала про всякую опасность и предупреждала людей… А как узнавала? Может быть, она разошлет по всей земле роботов-разведчиков, запустит над планетой специальные спутники? Много-много, целые тысячи! Такие, чтобы с помощью специальных волн, лазеров, объективов наблюдали за жизнью каждого человека, берегли его…

Об этом надо было подумать. Всерьез… Только сейчас уже не думалось, устал Журка за день.

Журка лениво разделся, расстелил постель, забрался под одеяло. Явился Федот, муркнул, извиняясь, и улегся в ногах. Он всегда спал у Журки в ногах (если только не был в ночной отлучке). Отучить его от этого не могли ни мама, ни Журка. Впрочем, Журка не очень и старался – только для вида. Федота он любил. Да и как было не любить, если их связала страшная, почти как в книжке про Тома Сойера, история…

Это случилось прошлым летом, почти сразу после похода.

Журка вернулся домой с беспокойной тяжестью на душе. Из-за постыдного случая в карауле. Тогда Лидия Сергеевна слегка успокоила его, но скоро угрызения совести опять одолели Журку. Струсил? Струсил. Бежал с вахты? Бежал. Теперь что ни говори, а все равно дезертир. Себя-то не обманешь.

Во-первых, жить с такими мыслями было очень скверно. Во-вторых, все придется рассказать Ромке, когда он вернется с Украины (не знал еще тогда никто, что не вернется). Они всегда говорили друг другу про себя всю правду. Ромка смеяться не станет, он Журку поймет, но будет до жути стыдно. Им обоим. И Ромка скажет:

– Что же нам делать?

Он всегда так говорил, если с кем-нибудь одним из них случалось плохое.

А что делать? Журка понимал, что трусость можно искупить лишь смелостью. И не надо ждать Ромку. Лучше сделать что-то сразу, чтобы сперва рассказать про

это (Журка стыдливо называл в мыслях ночной случай просто «это»), а потом про смелый поступок. Тогда будет легче.

«А какой совершить поступок?» – подумал Журка и зябко поежился, потому что уже шевелилась догадка.

«Темноты боишься?» – беспощадно спросил он себя. И сам ответил: «Смотря какой. Дома уже не боюсь, а если деревья ночью кругом да всякие шорохи…»

«Значит, боишься всяких чудовищ, всякой нечистой силы, которой не бывает?» «Да…» – со вздохом признался он. «Тогда иди…»

«Куда?» – в панике спросил себя Журка. «Иди, иди. Сам знаешь, куда. Пройдешь его ночью от края до края, тогда, значит, ты еще ничего…»

«Ну уж нет», – решительно сказал себе Журка.

Однако он понимал, что другого способа сейчас просто не придумать.

Целый день Журка промаялся со своими мыслями. А вечером поступил с собой решительно и жестоко. Сцепил в знак нерушимой клятвы левый и правый мизинцы и прошептал:

– Сегодня среди ночи пройду от забора до забора через кладбище. А если не пройду, у меня умрет мама…

Он знал, что не всякие приметы и клятвы сбываются, но нарушить такую клятву было совершенно невозможно. И с чувством человека, который сам приговорил себя к смерти, Журка стал готовить ночную экспедицию.

В коридоре он украдкой положил на пыльный шкаф тренировочный костюм и старые кеды, чтобы ночью не одеваться в комнате. Если мама проснется и увидит, что Журка пошел к двери раздетый – это ничего. Решит, что ненадолго – до дверцы в конце коридора. А если в костюме? «Ты это куда собрался?»

А как проснуться вовремя? Не будильник же ставить. И Журка после ужина выдул четыре стакана чая. Надежный способ: хочешь не хочешь, а придется

вскакивать среди ночи…

Заснул Журка неожиданно быстро: наверное, измучился от переживаний. Но «внутренний будильник» сработал безотказно. Когда Журка проснулся, в доме и за окнами стояла глубокая ночная тишина. Он торопливо и бесшумно выскользнул из комнаты…

А через две минуты Журка со свертком под мышкой был уже на крыльце.

Зябко поеживаясь, натянул он костюм, зашнуровал кеды. А затем на голом теле, под майкой, завязал свой пионерский галстук, потрепанный в походе. Он надеялся, что с галстуком будет не так страшно. Да и нельзя же опозорить галстук второй раз.

Журка распрямил плечи, с дрожью вздохнул и шагнул на скрипучую песчаную дорожку.

Июньская ночь была совсем светлая. Небо пропускало сквозь редкую облачную пелену белесоватый свет. На севере заметны были отблески зари. Белел над крышами бледный, будто больной месяц. Все кругом было отчетливо различимо. Стояли темные притихшие клены, и был виден каждый листик. Добродушно дремала у забора старая железная бочка, которую днем ребята с грохотом катали по всей улице.

Кругом тихо, безлюдно и… совершенно не страшно.

«Я же не виноват, что светло, – подумал Журка. И еще подумал: Наверно, страх начнется там».

Небольшое заброшенное кладбище находилось недалеко, кварталах в шести-семи. К нему от Московской вел кривой немощеный Тобольский переулок. Дальним краем кладбище примыкало к железнодорожной насыпи. Журка несколько раз бывал здесь, когда играли с ребятами в индейцев, но, конечно, среди ясного солнечного дня. Тогда кладбище с его могучими березами и соснами казалось чем-то вроде старого парка, а железные ржавые оградки и завалившиеся в стороны кресты – остатками каких-то садовых строений. И ни о каких ужасах тогда ничуть не думалось… Но про то же кладбище соседская семиклассница Люська Колосницына любила по вечерам рассказывать жуткие

истории. Ночами, мол, там бывает всякое…

Когда сидишь в теплых сумерках на своем крыльце и рядом дышат знакомые ребята, истории эти слушать интересно и лишь чуть-чуть жутковато. А сейчас их не хотелось вспоминать…

Не встретив никого в этой тихой белесой ночи, Журка свернул в Тобольский переулок. В конце его загораживали светлое небо черные кладбищенские деревья. И тогда сердце у Журки застукало неровно, с подпрыгиванием.

Но это был еще не настоящий страх. К нему примешивался интерес. Будто Журка сидел в своей комнате и про самого себя читал приключенческую книжку.

Черная громада кладбища надвигалась, нависала, и сердце под галстуком и майкой прыгало все сильнее, но Журка не замедлял шагов. Наоборот, он шел все скорее, стараясь оказаться вплотную перед неведомой опасностью.

И вот – забор.

Если не смотреть вверх на темные кроны и не думать о том, что там за забором, то ничего особенного – обыкновенная старая загородка.

Низкие гнилые столбы, перекладины, а к ним приколочены железные полосы с круглыми отверстиями – отходы какой-то мастерской или завода.

И все же это была граница между обыкновенным миром и чем-то неведомым.

Журка опять вздохнул длинным дрожащим вздохом и, пригибаясь, пошел вдоль забора. И почти сразу нашел место, где несколько полос были оторваны и отогнуты. За лазейкой темнела сплошная чаща кустов и травы.

– Раз, два, три, – беззвучным шепотом сказал себе Журка, и ноги у него ослабели. Тогда он снова жалобно и сердито сказал:

– Раз, два, три… – и через дыру в заборе сразу всем телом свалился в заросли.

Посидел среди веток. Прислушался. Отдышался. Шевельнулся наконец. Сердитая кладбищенская крапива куснула его сквозь тонкие трикотажные штаны. Но это лишь обрадовало Журку: если крапива жалится так по-обыкновенному, как на простом дворе, то и остальное должно быть здесь обыкновенным. Нестрашным… Не очень страшным…

Журка медленно выпрямился. Сердце попрыгало и настроилось на более ровный ритм.

Под старыми деревьями кладбища было гораздо темнее, чем на улице, но белесый свет пробивался и сюда. А может быть, это назревало уже раннее июньское утро? Кусты, оградки и памятники смутно различались в полумраке. Страшными они не казались. Журка прислушался к тишине каждой клеточкой натянутых нервов и вдруг ясно ощутил, что кругом очень пусто. Нет никого. И, значит, нет опасности.

На недалекой насыпи ободряюще простучал поезд.

Журка вышел из кустов и, цепляясь штанами за колючую траву и ржавые прутья решеток, стал пробираться среди холмиков. Он уже не боялся. Ну, разве что самую капельку. Наверно, все запасы страха в его организме уже израсходовались накануне, и теперь бояться было нечем. Вместо боязни Журка чувствовал сердитую досаду на колючки.

Наконец он даже опечалился: если страха нет, значит, нечего и преодолевать. И тогда велика ли заслуга, что он пройдет через кладбище? Но тут же успокоил себя: «Главное, что все-таки пройду. Я же не виноват, что перестал бояться…»

Крепко ободрав штаны и рукава, он выбрался на широкую дорожку и зашагал по ней торопливо, но без боязни (правда, по сторонам старался не смотреть). Затем опять полез через кусты – чтобы сократить свой путь до забора, который тянулся вдоль насыпи. Насыпь была совсем недалеко. Опять прогремел поезд. И – сквозь эхо этого веселого грохота Журка не услышал, а скорее угадал стонущий жалобный звук.

Журка замер. Каждая жилка в нем замерла, каждый самый крошечный нерв. Эхо улеглось, поезд прогрохотал уже в дальних далях, а стон на этот раз ясный, настоящий – прозвучал опять.

Напрасно Журка думал, что весь его страх кончился. Оказывается, полчища этого страха сидели в засаде, и теперь они кинулись на Журку, навалились, затоптали, как конница. Журка упал лицом в ломкие колючие стебли.

«Не надо! Не надо! – отчаянно думал он. – Ну, пожалуйста, не надо…» Но протяжный и тихий, надрывающий душу звук опять донесся из-за ближайших кустов.

Значит, непонятное и жуткое все же существует. И вот оно настигло Журку, который осмелился не поверить в ночные тайны, позабыть о страхе…

«Я сейчас, сейчас… – торопливо сказал себе Журка. – Сейчас до забора, а там уже не страшно…»

Там насыпь, поезда с их бодрой грохочущей жизнью, простор, огоньки. Там все привычное, свое. Только собрать силы и сделать бросок…

Стон опять прошел над кустами. Это был живой стон. Жалоба измученного человека или зверя. И под пластами страха, под отчаянными мыслями о бегстве у Журки пробилась слабенькая мысль:

«А все-таки что там? Или кто там? Ведь ни стонущих мертвецов, ни привидений все-таки не бывает. Значит, кто-то живой».

«Кто?»

«А если кого-то ранили и ограбили бандиты? Или собака попала в капкан (говорят, какие-то злодеи ловят собак и шьют из их шкур шубы и рукавицы). Или заблудился и застрял в ржавых решетках теленок?»

Журка поднял голову. Рассвет уже набрал силу, но деревья и кресты виднелись еще смутно. Из-за них опять долетел стон.

«Не пойду, – подумал Журка. – Ни за что! Я и так выполнил клятву, я прошел кладбище».

«Не прошел, а пробежал, как заяц. И опять струсил».

«Ну и пусть. Я больше не могу!»

«А что скажешь Ромке?»

«Но я же… я просто помру, если пойду…»

«Ну и помирай, скотина, трус несчастный! Иди и помирай!»

Журка всхлипнул, встал на четвереньки и начал пробираться на стоны… Страх слегка отступил перед его отчаянной решимостью. Журка поднялся на ноги. Стон – медленный, бессильный, с каким-то писком – раздался совсем недалеко. И Журка понял, что рядом мучится маленькое живое существо.

«Марш!» – приказал он себе. И выбрался на открытое место. Здесь было уже довольно светло. Журка увидел косо торчащий крест и услышал, что стон идет от него. На кресте чернела фигурка, похожая на маленького растопыренного человечка. Журка сделал короткий вдох и, обрывая веревки страха, прыгнул к этому кресту.

На кресте был растянут шнурками кот. Он время от времени дергал головой и стонал.

– Сволочи! – со злым облегчением и рванувшимися слезами сказал Журка. Он не удивился. Он слышал раньше, что есть такие гады среди шпаны, которые издеваются над кошками, голубями и собаками. Вот, значит, что придумали, проклятые!

О страхе Журка забыл. Торопливо отыскал среди могил треснувшую бутылку, грохнул ее о каменный памятник, осколком резанул по шнуркам. Не сумел удержать кота, и он шмякнулся в траву. Попытался приподняться и опять застонал.

– Сейчас, сейчас, котик, – всхлипывая, сказал Журка, сорвал с себя через голову майку, закутал в нее кота, поднял и, царапая голые локти, напрямик, через шиповник и боярышник, рванулся к забору…

…Дома Журке пришлось рассказать о своих приключениях. Маме. Все-все. Даже о том, почему его понесло ночью на кладбище. Мама Журку не ругала. Только побледнела, несколько раз охнула, очень крепко взяла его за руки и попросила больше таких испытаний характера не устраивать. Журка охотно обещал. Папа, когда услыхал от мамы эту историю, помотал головой, хмыкнул и сказал:

– Во герой… Даже не верится. – И стал вспоминать, как в детстве лазил с мальчишками в подвал старого монастыря. Тоже ночью. И тоже было страшно. А Журка подумал: «Это ведь с мальчишками все-таки…»

Кот выжил. Сутки лежал на подстилке, ничего не ел и постанывал, потом начал подниматься, лакать молоко. И наконец окреп, сделался обыкновенным здоровым котом. Почему его назвали Федотом, никто не мог объяснить. Как-то само собой получилось – Федот, вот и все.

Характер у Федота оказался спокойный, немного ленивый и добродушный. Играл он с Журкой неохотно, зато сидеть у него на коленях и мурлыкать очень любил. Был у него только один недостаток: иногда он уходил гулять и пропадал суток по трое. Но тут уж ничего не поделаешь, такова кошачья натура. После гулянья Федот возвращался поцарапанный, грязный, и мама с Журкой мыли его в тазу. Федот не возражал, только прижимал уши и жмурился, чтобы мыло не щипало его зеленые глаза.

Когда переезжали, никому, даже папе, в голову не пришло оставить Федота, отдать кому-нибудь, чтобы не было в пути лишних забот. Он поехал в поезде со специальным билетом.

На новом месте Федот освоился очень быстро. Научился вылезать в форточку и греться на широком кирпичном карнизе. Судя по всему, эта квартира ему нравилась…

– Иди сюда, Федотушка, – сказал Журка. Федот охотно протопал по Журке и устроился у него на груди. Благодарно заурчал, когда Журка почесал ему за ухом. Журка устало вытянулся под одеялом и решил, что пора засыпать. Напоследок он посмотрел в ночное окно.

Окно было открыто. Журка лежал к нему ногами и видел в сумраке комнаты четкий синий прямоугольник с развилкой тополя, похожей на два великанских

растопыренных пальца или на громадную рогатку. Тополь рос метрах в трех от окна, и нижняя часть развилки находилась как раз на уровне подоконника. Если отыскать подходящую доску (и дождаться, когда уйдет куда-нибудь мама), можно попытаться сделать трап, чтобы пробираться из окна прямо на дерево…

Кажется, Журка начал дремать, потому что увидел себя со стороны – как он залез на тополь: от левого «пальца» развилки отделился человек…

Журка заморгал, прогоняя дремоту. Но от этого морганья человек не исчез. Наоборот, он будто увеличился. Его фигура отчетливо рисовалась внутри громадной «рогатки». Словно кто-то тушью на темно-синей бумаге вывел силуэт высокого тощего черта.

Что это? Сон после воспоминаний о ночном кладбище? Или грабитель, который примеривается, как прыгнуть в комнату? Журка понял, что сию секунду самым постыдным образом завопит «мама».

Но и мама и папа наверняка спят: щель под дверью давно погасла… Орать? Или подождать?

Журка замер под одеялом – ни дыхания, ни сердечного стука. Только Федот у него на груди мурлыкал как ни в чем не бывало.

Таинственный черный незнакомец шевельнулся, и Журка услышал:

– Эй…

Голос был нерешительный, тонкий. И силуэт незнакомца сразу как бы съежился, превратился в мальчишечий. Журкин страх тоже съежился и тут же растаял совсем. Осталась только досада на себя (вот трус несчастный) и на мальчишку, которого среди ночи какая-то дурь носит по деревьям.

– Эй… – опять окликнул мальчишка. – Там, в комнате… Ты спишь?

Журка скинул удивленного Федота и одеяло, подскочил к окну.

– Чего тебе? – спросил он громким шепотом.

– Ты внук Юрия Григорьевича?

– Да… А что? – откликнулся Журка уже помягче.

– Можно к тебе?

– Зачем?

– Ну, дело есть… Ты не бойся.

– А кто боится? – усмехнулся Журка, – Просто непонятно: почему ночью да через окно?

– Если нельзя, тогда ладно… – вздохнул в сумраке мальчишка.

Этот виноватый вздох примирил Журку с неожиданным гостем. К тому же было очень интересно. Похоже на приключение.

– А как ты сюда доберешься? Доска есть?

– Да нет, веревка… Тут все приспособлено… Журка разглядел, как мальчишка распутал спустившийся откуда-то шнур.

– Ну, давай, – прошептал Журка.

– Только отойди от окна…

Черная фигурка метнулась и через миг стояла на подоконнике. Легко и бесшумно мальчишка соскочил на пол.

– Я тут веревку за батарею прицеплю, чтоб не ускользнула, объяснил он. – Свет можно зажечь?

– Сейчас – Журка отыскал в углу на гвоздике курточку, положил ее внизу у двери, чтобы лучи не пробились в щель, и включил настольную лампу.

Побег на рассвете

Мальчик оказался одного роста с Журкой. Очень худой, темный от загара, поцарапанный. В одних трусиках, босой. У него были прямые темно-медные волосы. Они косо падали на лоб. Мальчик посмотрел из-под волос на Журку с хмурой виноватостью.

Журка почувствовал его смущение и сказал, чтобы хоть что-то сказать:

– Здорово ты сюда влетел.

– Я эту штуку еще давно придумал. Когда Юрий Григорьевич… тут жил. Я к нему часто пробирался.

– А через дверь нельзя, что ли? Мальчик досадливо повел острым плечом.

– Дверь в наши окна видать. Отец или мать заметят, что я в этот дом иду, сразу начинают: «Опять по чужим людям шастаешь! Лучше бы делом занялся…» А я любил к Юрию Григорьевичу приходить…

– А-а… – произнес Журка. Произнес чересчур спокойно, потому что ощутил неожиданный укол ревности. Оказывается, дедушка дружил с чужими мальчишками. И мальчик будто понял Журку. Опять глянул из-под волос и тихо сказал:

– Ему по вечерам скучно было. Он один жил…

Эти слова смутили Журку, будто в них был скрытый упрек. И, словно защищаясь, Журка ответил с легким вызовом:

– Я знаю. Ну и что?

Лицо у мальчика опять стало виноватым. Он зябко поежился и объяснил:

– Ну… я подумал, что ты мне поможешь. Раз ты его внук… Твой дедушка меня часто прятал.

Это «твой дедушка» вместо «Юрий Григорьевич» понравилось Журке. Все встало на свои места. Уже с сочувствием Журка спросил:

– От кого ты прятался? Мальчик опять досадливо повел плечом.

– Да по-разному было… Жизнь такая.

– И сейчас прячешься? Мальчик кивнул. Обвел глазами комнату.

– Раньше здесь раскладушка была… Я где-нибудь в уголке приткнусь, ладно? До утра…

– Как в уголке? На полу?

– А чего? – Мальчик улыбнулся, показав крупные редкие зубы. – Я закаленный. Крученый, моченый, прожаренный, промороженный…

– Ну да, – усмехнулся Журка. – Поэтому и лазишь ночью по деревьям голый, как Маугли…

– Я прямо из кровати сбежал. В окно вылез – и сюда.

Журке очень-очень хотелось узнать, от кого сбежал незнакомый мальчишка и почему прячется. Но приходилось быть снисходительно сдержанным и чуть насмешливым. Как-то уж настроился Журка на эту струну. Он вспомнил свою ночную вылазку на кладбище и сказал наставительно:

– Если собираешься драпать ночью, надо одежду заранее где-нибудь спрятать.

Мальчик беспечно махнул рукой.

– А, не догадался. Ладно, и так сойдет… – Потом он глянул на Журку быстро и внимательно. Спросил: – Тебя Юркой зовут?

– Да…

– В честь Юрия Григорьевича?

Журка растерянно мигнул. Он не знал, почему его назвали Юрием. Но тут же сказал:

– Конечно. А что?

– Ничего. Так…

– А тебя как звать? Мальчик неразборчиво бормотнул.

– Борька? – переспросил Журка.

– Горька, – отчетливо сказал мальчик. – Полное имя Горислав. Но никто меня полным именем не зовет. Горька – вот и все. Это мне больше всего подходит. Как наклейка…

– Почему же? – смутившись, выговорил Журка. Горька сказал то ли шутя, то ли серьезно:

– Да так. Жизнь такая. Горькая… Невезучий я уродился. Одни шишки отовсюду.

– Какие шишки?

– Всякие. Сегодня опять от отца перепало. С дежурства вернулся злющий, с мамкой поспорил…

– Значит, ты из-за отца сбежал? – сразу пожалев Горьку, спросил Журка.

– Не… Сегодня из-за другого. Меня хотели расстрелять.

Расстреливают обычно на рассвете. Так написано в книжках. Но рассвет начинался рано, и, когда за Горькой пришли конвоиры, солнце стояло уже

высоко.

Горька проснулся от долгого, но осторожного стука по стеклу. Увидел в окне головы братьев Лавенковых и все вспомнил. Он понуро, но быстро натянул брюки и рубашку, сунул ноги в растоптанные полуботинки, которые давно надевал не расшнуровывая. Хотел убрать постель и вдруг подумал: а зачем это человеку, которого через несколько минут расстреляют?

Но ведь это не всерьез… А если бы всерьез?

Интересно, что чувствует человек, проснувшийся последний раз в жизни, одевшийся последний раз в жизни? Что он думает, когда у двери стоят двое с автоматами, чтобы провести его последний раз под ясным небом до обрыва?

Тоскливая тревога заметно кольнула Горьку. Будто сейчас была не игра. Не совсем игра… Он выдохнул воздух сердитым толчком, прогнал страх и вылез в окно. Хмуро сказал братьям Лавенковым:

– Чего греметь-то? Чуть всех на ноги не подняли… – Это все, чем он мог досадить конвоирам.

С приговоренным к смерти, видимо, не принято ругаться, и старший Лавенков, Сашка, миролюбиво ответил:

– Да ты что, мы тихонько стучали. – Потом другим, уже строгим голосом скомандовал: – Руки…

Горька вздохнул, нагнул голову и заложил руки за спину. А что было делать? Он покорился судьбе еще вчера, во время военного суда, который состоялся в сарайчике Егора Гладкова.

Егор тогда спросил у защитника Степки Самойлова:

– Чем ты его можешь оправдать? Степка пожал плечами, растерянно протер очки и сказал:

– Не знаю…

Он, кажется, добросовестно старался придумать защитительную речь, но так и не смог.

– Оправдывайся сам. Последний раз, – сказал тогда Гладков Горьке.

Но Горьке тоже нечего было говорить. Все, что можно, он сказал еще раньше, и его объяснения не убедили никого из судей – ни Егора, ни Митьку Бурина, ни тем более безжалостного третьеклассника Сашку Граченко. Да Горька и сам понимал, что нету ему оправдания. Из-за него отряд напоролся на огонь собственного часового и теперь, по правилам игры, два человека считались убитыми.

Правила были безжалостные. Как на войне.

Егор посмотрел на Граченко и на Бурина, и те кивнули. Егор поднялся с пустой бочки, на которой сидел, как на председательском кресле, и сообщил, что бывший стрелок отдельного повстанческого отряда «Синяя молния» за невыполнение боевого задания и трусость приговаривается к расстрелу ранним утром следующего дня.

– Ясно тебе?

– Ясно, – хмуро откликнулся Горька. – А при чем тут трусость?

– Он еще спрашивает… – усмехнулся Гладков. – Ладно, гуляй пока. Завтра на рассвете за тобой придут…

И вот – пришли. Сашка мотнул стволом черного пластмассового автомата с пружинной трещоткой:

– Пошли.

Он пропустил Горьку вперед и зашагал сзади. А Вовка Лавенков пошел впереди. С таким же, как у Сашки, автоматом.

– Напрямик, – сурово приказал Сашка.

Они пошли через пустырь. Трава на пустыре была обычно серой, выгоревшей, колючей, но сейчас она – то ли после ночного дождика, то ли от росы – переливалась тысячами капель. Горькины брюки внизу намокли, в полуботинках появилась противная скользкая сырость. Вовка шагал точно по прямой. Его голубые выгоревшие гольфы потемнели от влаги и сползли на кеды, он по-птичьи поднимал над травой поцарапанные ноги, но ни разу ни чуточки не свернул. У него был светлый упрямый затылок. Горька смотрел на этот затылок без всякой злости и досады. Вовка был ни при чем. Он был смелый, спокойный и надежный парнишка, несмотря на молодость – всего-то девять лет. Повезло Сашке, хороший у него брат. Почему другим везет, а Горьке – никогда? Был бы у него такой же брат, залег бы с двумя автоматами, не боясь мокрой травы, вон за той бетонной глыбой, подпустил бы конвоиров поближе и – та-та-та! «Сашка, ты убит, Вовка, ты убит! Горька, бежим!»

Только и в настоящей жизни, и в игре такие чудеса случаются очень редко. Горька знал, что с ним не случится. Тоскливая тревога опять кольнула его – словно все по правде. И он уже, будто в самом деле прощаясь навсегда, смотрел на сверкающую траву, на знакомые дома, на треснувшие бетонные блоки, которые лежали на пустыре, наверно, с тех пор, как существует Земля…

А может, все-таки случится чудо? Очень уж обидно умирать в такое солнечное утро. Даже понарошке – все равно тошно. Будто и не игра…

Горьку привели на берег Туринки и поставили у края обрывчика.

Метрах в пяти от берега, лицом к речке стоял шеренгой отряд «Синяя молния». Правда, не весь, трое, видать, проспали (за это, между прочим, тоже надо под суд). Но и пятерых было достаточно. Да еще Лавенковы встали в строй…

Егор Гладков раздал стрелкам зеленые гнилые помидоры – не всем, а через одного. Значит, половина будет трещать автоматами, а другая половина метнет в Горьку помидоры! И ему придется упасть, скатиться с метрового обрывчика на песчаную полоску у самой воды и лежать там, пока все не уйдут. Потом два дня его не будут брать в военную игру. А может, и больше. Потому что игра игрой, а разозлились на него, кажется, по-настоящему. По крайней мере Егор.

Егор насупленно, будто стесняясь, проговорил:

– Готовы?.. Равняйсь. Смирно… – Потом, постаравшись опять разозлиться, громко сообщил: – Бывший боец «Синей молнии» за трусость и предательский провал военного задания приговорен к высшей мере наказания – расстрелу!

Шеренга напряженно молчала. Стояли не очень ровно. Смотрели мимо Горьки. А Горька, насупившись и съежив плечи, смотрел на разномастные игрушечные автоматы и зажатые в пальцах помидоры. Тоскливое замирание перехватило грудь и подкатывало к самому горлу. Но плакать не хотелось.

– Хочешь сказать что-нибудь напоследок? – спросил Егор чуть виновато.

Горька переглотнул. Сказал:

– Хочу… Все равно это неправильно. Я не предательский… Я же объяснял…

– Слыхали уже, – безжалостно сказал Сашка Граченко и поправил на груди оранжевый автомат с диском.

– Можешь еще что-нибудь сказать? – спросил у Горьки Егор.

Горька не знал: что еще?

– Даем десять секунд, – сумрачно сказал Егор. – Думай.

Секунды пошли, долгие или короткие, Горька не понял. Мысли у него отчаянно заскакали, будто и вправду от каких-то удачно найденных слов зависела жизнь.

… – Все! – отрубил надежду Егор.

– Ну все так все, – сказал Горька себе, а не Егору. Распрямил плечи и стал смотреть на облака. Они были маленькие, светлые, с пушистыми краями.

Подошел Митька Бурин и нахлобучил Горьке на голову старую корзину. Облака исчезли. Все исчезло.

– Ты чего? – сказал из-под корзины Горька. – Пусти. – Он ухватился за плетеную кромку.

– Стой давай…

– Пусти!

– А если по лицу попадут, дурак, – разъяснил Митька, но отпустил корзинку. Горька секунду постоял неподвижно. Синее утро било в щели. Горька сбросил корзину, сунул руки в карманы и опять стал смотреть на облака.

Егор негромко сказал:

– Да пускай… По голове не кидайте.. – И громко скомандовал: На прицел!

Горька не двинулся, но нижним краем глаз увидел, как поднялись автоматные стволы. И опять, будто все по правде, страх и тоска резанули его.

«Нет!» – мысленно крикнул он в ответ на громкую команду «пли». Присел, чтобы выстрелы прошли над головой. Помидоры и в самом деле свистнули поверху, а Горька клубком скатился к воде, вскочил, с размаху хлопнулся в речку.

Остывшая за ночь вода обожгла его холодом, прижала к телу намокшую одежду. Но Горька яростно рванулся к другому берегу. Упругая толща воды не пускала его, ноги вязли в илистом дне. Однако самая большая глубина здесь – по грудь, а ширина – метров шесть. И очень скоро мокрый, всхлипывающий от напряжения Горька оказался на твердой земле. Сзади, на том берегу, захлебывались яростным треском и воем автоматы – электрические, заводные, с ручными трещотками… Но эта стрельба не считалась. Она так, ради шума. Чтобы убить или ранить, надо попасть помидором.

А пока спохватятся, пока расхватают запасные помидоры…

Горька оглянулся на бегу. Несколько человек галопом мчались к недалекому мостику. Сашка Граченко и Вовка Лавенков отважно кинулись в воду – напрямик, но Егор сердито закричал, чтобы вернулись. Митька Бурин и Сашка Лавенков швырнули через речку «гранаты», но в Горьку не попали.

В общем, Горька ушел от погони. Переулками и проходами между старых заборов добрался до парка. В глухом углу, среди зарослей желтой акации, нашел он полянку, отдышался там, высушил одежду, а потом крадучись, чтобы не напороться на засаду, вернулся домой…

Днем Горька с хозяйственной сумкой вышел на улицу. Если человек с сумкой, значит – не игра. Значит, он идет по делу, родители послали в магазин или на рынок. Сразу повстречались Лавенковы и Бурин.

Бурин сказал с насмешкой:

– Доволен? Сбежал, как заяц, и радуешься.

– Если в человека стреляют, он должен, что ли, стоять, как пень? – огрызнулся Горька.

– А если бы по правде, куда бы ты делся? – серьезно спросил Сашка Лавенков. – Перебежал бы к врагам?

– Еще чего… – буркнул Горька. Что сказать, он не знал. Если бы по правде… тогда все было бы не так. Никто бы не помешал выполнить задание. Потому что не было бы страха перед отцом, не было бы такого, что с одной стороны война во дворе, а с другой – сердитые и жалобные (с оглядкой на отца) крики матери: «Куда тебя опять понесло!» Но как это объяснить? Горька неуверенно сказал:

– Я ушел бы в леса и стал бы воевать один. Не с вами, а с врагами…

– Одному трудно, – задумчиво проговорил Вовка Лавенков.

– Все равно мы тебя за эти два дня выследим, – деловито сказал Бурин. – Тогда уж не уйдешь.

И Горька понял, что отряд «Синяя молния» ничуть не огорчен его, Горькиным, бегством. Наоборот! Можно теперь устроить охоту! Обложить, как волка флажками!

Все на одного, да?

– Ладно, – сказал Горька со стремительно выросшей обидой. – Я думал, вы всегда за справедливость, а вы… тогда ладно… Я с вами воевать не хотел, а теперь буду.

– К «Тиграм» перебежишь? – серьезно спросил Сашка. – Они перебежчиков не берут.

– На фиг мне нужны «Тигры», – отрезал Горька. – А с вами у меня война. Еще посмотрим, кто кого.

И он пошел со двора, решительно махая сумкой.

Каменистая дорожка вела мимо тополя, мимо дома, где недавно еще жил Юрий Григорьевич. Горька поднял глаза к растворенному окну на третьем этаже. И сразу – будто включился незаметный магнитофон – Горьку настигло воспоминание о глуховатом и добром голосе:

– Хороший ты человек, Горислав Геннадьевич. Только характер у тебя слегка извилистый…

«Такой уж…» – виновато отозвался Горька.

«А ты выпрямляйся».

«Как?»

«Реже убегай, чаще дерись…»

«С кем? С отцом, что ли?»

«С жизнью… В шахматы сыграем?»

«Да ну… Вы меня опять обыграете».

«Ну и что? За битого двух небитых дают».

«Да за меня уже трех можно…»

Когда Юрия Григорьевича хоронили, отец сказал Горьке:

– Сиди дома. Нечего путаться под ногами у людей.

Горька не посмел ослушаться. Стоял у окна и видел через пространство заросшего пустыря темную толпу у крыльца трехэтажного дома. Издалека толпа казалась неподвижной. Надрывно завыл оркестр. Люди у крыльца колыхнулись. В заднюю дверь серого автофургона вдвинули что-то длинное, красное… Вот и все… И в голове у Горьки не укладывалось, что это событие имеет какую-то связь с Юрием Григорьевичем. Он знал, конечно, что Юрия Григорьевича больше нет, но все равно казалось, что если забраться в развилку тополя и перелететь на подоконник, сразу услышишь:

А-а, Горислав Геннадьевич. Вечерняя птичка залетная… Что, опять ищем убежища?"

«Да нет, я просто так… Можно у вас переночевать?»

«А дома что скажут?»

«Папка на дежурстве, а мама не будет ругаться. Если отца нет, она разрешает…»

«Ну что ж… Тогда поставим чаек…»

Сейчас, проходя мимо трехэтажного дома, Горька увидел в открытом окне, наверху, женщину. Она вешала шторы. Горька сообразил, что приехали новые жильцы. Все мальчишки уже знали, что в квартире Юрия Григорьевича должна поселиться его дочь с мужем и сыном.

С крыльца сбежал на дорожку незнакомый мальчик с большой клеенчатой папкой. Ростом вроде Горьки, стройненький такой, в желтой рубашке с погончиками. Ветер сразу растрепал ему волосы. Мальчик не заметил Горьку. Посмотрел на верхушку тополя, улыбнулся чему-то и зашагал к воротам. Папку держал за угол и на ходу легонько поддавал ногой. Горьке понравилось, как он

идет: легко, спокойно. Видно, не было в душе у мальчишки никакого страха. Горька даже позавидовал. Сам он не умел так ходить по земле. Но позавидовал он по-хорошему, без досады.

«Внук Юрия Григорьевича», – подумал он. Этот внук не мог быть плохим человеком. И Горька принял решение…

Журка и Горька сидели рядом на постели.

– Игра у нас такая, – сказал Горька. – Два отряда. Ну или как два индейских племени. Наши с этой улицы, а ихние «Тигры» – с Туринской… А я Сашке и Вовке Лавенковым пароль не передал… Егор велел, чтобы я к ним сбегал и сказал, какой пароль, потому что они в засаду собирались. А меня отец не пустил…

– Куда? В засаду?

– Да нет, к Лавенковым, чтоб пароль сказать. Не понимаешь, что ли?.. Потом Сашка Граченко и Митька пошли менять Лавенковых в засаде, пароль кричат, а те его не знают. И давай лупить из автоматов. Получилось, что своих перестреляли… Из-за меня…

Журка не очень разобрался, что за пароль, какая засада и кто такие эти Сашки, Митька, Вовка. Но главное понял: Горька по военным законам оказался кем-то вроде изменника и дезертира. Но не по своей вине, а из-за отца.

– А почему отец не пустил?

– Говорит: «И так целыми днями по улице мотаешься. Скоро школа, а в голове одна дурь. Бери учебник, математику повторяй…»

– Ты бы объяснил ему, что на минутку сбегаешь и придешь.

– Ему объяснишь… – сказал Горька. Они помолчали.

– Ну и что теперь? – спросил Журка. Горька засопел, ковырнул на коленке засохшую ссадину, сумрачно объяснил, глядя в угол:

– Я теперь никто. Ни «Синяя молния», ни «Тигры»… Сперва подумал: «Пускай расстреляют, а через два дня снова к нашим запишусь». А теперь не хочу. Потому что несправедливо… Или ты думаешь, они справедливо… вот так, со мной?.. – Горька резко мотнул медными волосами и бросил на Журку быстрый, сердитый и немного опасливый взгляд.

– По-моему, нет, – нерешительно сказал Журка. – А ты им объяснял про отца?

– Объяснял сто раз. Говорят: «Все равно…»

– Конечно, несправедливо, – уже твердо сказал Журка.

Горька быстро проговорил:

– Тогда помоги.

– Как?

– Завтра они за мной погонятся, а я заведу их в тупик. Они же не будут бояться, потому что я без оружия, они мой автомат отобрали. Ты там спрячешься за ящиками. Они в тупик заскочат, а ты: та-та-та! И все. Считается, что они убиты, а ты меня спас… А?

– А потом? – осторожно спросил Журка.

– Потом… Наверно, вся игра сначала.

Журка задумался. Засада – это засада, что-то есть в ней нехорошее. Обманное. Не хотелось начинать знакомство со здешними ребятами с такого обидного для них фокуса.

– Да ты не бойся, – сказал Горька. – Это же игра. У нас по-нормальному играют, без драки. По правилам. Потом на тебя никто злиться не станет.

Журке стало неловко, что Горька отгадал его боязливые мысли.

– Ничего я не боюсь, – буркнул он и подумал, что деваться некуда: Горьку в беде оставлять нельзя. Он пришел искать защиту, невиноватый, оставшийся один против всех, безоружный. Что ж теперь? Сказать: «Иди, куда хочешь»?

– Значит, надо оружие, – негромко, но решительно проговорил Журка.

– Ага! – обрадовался Горька. – У тебя есть что-нибудь подходящее?

Журка прижал к губам палец и кивнул на дверь: тихо, мол, перебудишь всех. Горька испуганно и весело съежился: ой, больше не буду. Журка поманил его в угол, где друг на дружке лежали три чемодана с не разобранным еще имуществом. Верхний чемодан осторожно сняли, а средний Журка открыл. Там, на коробках с «конструктором», среди рассыпанных пластмассовых солдатиков и прочего мелкого барахла лежали пистонные пистолеты и два автомата. Один – из белой пластмассы, с батарейкой и красной лампочкой в стволе. Другой – из черного железа, с пружинной трещоткой.

– Во! В самый раз… – обрадованным шепотом сказал Горька. – Батарейка тянет?

– Новую поставим… Слушай, а когда сделаем засаду? С утра?

– Ну, конечно. Я же тебе толкую, что надо как можно раньше. Я потому к тебе и пришел с ночи. Они меня будут у нашего дома выслеживать, а мы отсюда выберемся, потом я на них наткнусь будто случайно – и начали…

– Думаешь, они тебя с самого рассвета будут караулить? – усмехнулся Журка. – Они тоже спать хотят…

– Нет, не хотят… Они завтра в шесть часов на пустыре собираются, чтобы на штаб «Тигров» напасть. А у нашего крыльца часовых поставят. Я же все правила знаю.

– Тогда вот что… – Журка вытянул из чемодана (не с игрушками, а другого) свой тренировочный костюм. – Бери, завтра наденешь. Не голому же тебе воевать.

– Вот хорошо… Я его лучше сейчас надену, чтобы помягче на полу было. И вон ту курточку подстелю. Можно?

– Ну и придумал, – сказал Журка. – У меня на полу даже кот не спит. Давай ложись рядом. Вон туда к стенке.

– Да ну… Я весь пыльный, перемазанный.

– В одеяло завернешься. Оно у меня как раз такое… боевое. Я с ним в прошлом году в поход ходил, даже у костра подпалил.

– А ты как без одеяла?

– Под простыней.

– Холодно будет.

– Ха, – сказал Журка. – Думаешь, ты один закаленный?

Журка выключил свет, сдвинул в ноги недовольного Федота и лег рядом с Горькой. Тот, завернувшись в одеяло коконом, тихо посапывал у стенки.

– Не проспать бы, – шепотом сказал Журка.

– Не проспим. Я всегда рано подымаюсь. – успокоил Горька. И спросил: – А вдруг бы проспали и вдруг бы твои родители меня здесь увидели?

– Ну и что?

– Рассердились бы?

– А с чего сердиться?.. Удивились бы только: кто такой, как сюда попал? – Журка подумал. – Мама перепугалась бы: как это в окно на веревке! Папа сказал бы, наверно: «Ну, вы даете, фокусники…»

– Значит, он у тебя совсем не злой, – задумчиво сказал Горька.

– А чего ему быть злым…

Отец бывал иногда хмурым, случалось, ворчал на Журку, если тот слишком шумел или прыгал, поддразнивал иногда сына за слишком «тонкий» характер. Поругивал, если случались двойки. Но зато учил работать молотком и отверткой, катал в кабине своей «Колхиды», а при особенно хорошем настроении рассказывал истории о своем детстве. Вообще-то Журкиным воспитанием занималась мама. Водила на выставки и концерты (хотя они бывали в Картинске нечасто), рассказывала про художников, проверяла дневник, ходила на родительские собрания и даже учила Журку, как давать сдачи, если привяжется какой-нибудь хулиган. Нельзя сказать, что Журка был маменькин сынок, но «мамин сын» – это точно…

– И папа, и мама у меня вполне… – сказал Журка. – Лучше мне и не надо.

– У меня мама тоже добрая, – тихо отозвался Горька. – А отец, он… когда какой. Если настроение хорошее: «Айда, Горька, на рыбалку». Если что не так, скорее за ремень… Хорошо, если сгоряча за широкий возьмется, он только щелкает. А если всерьез, то как отстегнет узкий от портупеи… Знаешь, как режет…

Журка не знал.

Он этого никогда не испытывал.

Бывало в раннем дошкольном детстве, что мама хлопнет слегка и отправит в угол. Но чтобы по-настоящему, ремнем, Журка и представить не мог. Он бы, наверно, сошел с ума, если бы с ним сделали такое. Даже если в какой-нибудь книге Журка натыкался на рассказ о таком жутком наказании, он мучился и старался поскорее проскочить эти страницы. И потом всегда пропускал их, если перечитывал книгу. А Горька, ничего, говорит про такое спокойно. С печалью, но вроде бы без смущения.

Конечно, в темноте, ночью, когда рядом человек, с которым завязалась, кажется, первая ниточка дружбы, легче говорить откровенно. Видать, наболело у Горьки на душе, вот он и рассказывает. Но… нет, все равно не по себе от такого разговора. И чтобы изменить его, Журка спросил:

– Твой отец военный?

– Милиционер. Старшина… Он на ПМГ ездит. Машина такая с патрулем: передвижная милицейская группа.

– Бандитов ловит?

– Бывает, что и ловит, – равнодушно отозвался Горька.

– Это же опасно…

– Бывает и опасно, – все тем же голосом сказал Горька. – Один раз ему крепко вделали свинчаткой. Неделю лежал в больнице… Я в те дни был как вольная птица. Мама, если не при отце, меня зря не гоняет… – Он, видимо, спохватился и объяснил: – Рана-то не опасная была, только сотрясение, но не сильное… Ну что, спать будем, ага?

– Будем… Слушай, а как ты с моим дедушкой познакомился?

– Да так, случайно. Сперва зашел к нему с Егором. Егор у него книжки брал почитать, а я просто так… А потом уж один стал приходить. Тоже книжки брал… В шахматы еще играли… Если отец на дежурстве, мама меня отпускала сюда ночевать. Мы с Юрием Григорьевичем иногда до ночи чай пили. Он рассказывал интересно…

– Про что? – слегка ревниво спросил Журка.

– Про всякое… Иногда про тебя. Как вы плотину строили у вас на речке Каменке. И вообще… Он по тебе скучал.

Засада

Проснулся Журка от озноба. Раннее утро было солнечным, но прохладным. Зябкий воздух из открытого окна забирался под простыню. Журка поежился и глянул на будильник. Без двадцати шесть.

Горька у стены свернулся в комочек, намотав на себя одеяло. Из одеяла торчали поцарапанные тощие ноги. Горька шевелил ногами, будто по ним ползали мухи.

Журка осторожно хлопнул по одеялу. Потом еще. Высунулась Горькина голова. Несколько секунд Горька обалдело смотрел на Журку, потом заморгал, заулыбался.

– А говорил: «Рано подымаюсь?» – хмыкнул Журка. – Вот проспали бы…

– Ой… Это потому, что я не дома. А дома я всегда…

Время поджимало. Они торопливо и бесшумно оделись. Повесили за спину автоматы. Журке стало весело и страшновато, будто предстояла не игра, а настоящее большое приключение.

Впрочем, приключения начались даже раньше, чем Журка ожидал. Горька размотал на батарее веревку, встал на подоконник и сказал:

– Смотри, как надо. Берешься вот здесь, где узлы, веревку натягиваешь, потом – раз! – и там.

И в самом деле, он спорхнул с подоконника и через секунду стоял в развилке тополя.

– Раз! – опять повторил он и оказался рядом с Журкой.

Теперь в нем не было ни капли вчерашней робости. Ловкий он был, и синие глаза его смело блестели под прямыми коричнево-медными прядками.

Журка тайком вздохнул. Можно было бы проскользнуть через квартиру и выбраться из дома обычным путем. Но, значит, опять струсил? Он посмотрел наверх. Толстый капроновый шнур уходил куда-то сквозь густые листья. Посмотрел вниз. Дом старый, с высокими этажами, до земли метров десять.

Журка удержал в себе второй вздох и спросил с небрежной деловитостью:

– Веревка-то прочная?

– Все в норме, не бойся…

– Да я и не боюсь.

– Боишься, – спокойно отозвался Горька. – Первый раз все боятся… Ты лучше не с подоконника прыгай, а вон оттуда, с карниза.

Внизу, в полуметре от окна, тянулся широкий кирпичный выступ. На этом выступе сидел неподалеку Федот и бесстрашно щурился на солнце.

«Что я, хуже Федота?» – сердито подумал Журка и через подоконник полез на карниз.

– Постой, – сказал Горька. Нижним свободным концом веревки он плотно обмотал Журку вокруг пояса и затянул узел. – Если вдруг оборвешься, все равно никуда не денешься…

Это сразу успокоило Журку. Хотя не совсем. Когда он выбрался на карниз, коленки мелко подрагивали. Журка ухватился за веревку и натянул ее. Держаться было удобно – большие узлы не давали соскользнуть ладоням.

«Ничего, – сказал себе Журка. – Все равно надо… Раз, два… три!»

Он толкнулся не сильно и не слабо. В руках отдалось струнное натяжение веревки, на секунду тело замерло от сладкого и жутковатого ощущения полета. Засвистела пустота, понесся навстречу тополь…

Журку развернуло в полете, он влетел в развилку боком, подошвы зацепились, тело мотнуло в одну сторону, в другую… У самого носа Журка увидел выступы серой коры, выпустил веревку, ухватился за ствол. Вернее, за отросток толщиной с могучее бревно. И прирос к нему, ощутив бугристую прочность дерева.

– Ну, ты что там? – окликнул из окна Горька. – Давай веревку.

Журка оторвал руки от дерева, торопливо размотал на поясе шнур. Сердце часто стучало, но страх уже уходил, и появилась веселая радость оттого, что не испугался. И оттого, что замирание и восторг полета можно будет повторить еще и еще…

Спускаться тоже было страшновато. Но нетрудно. Трещины и бугры на коре старого тополя помогали держаться. Журка осторожно сполз до другой, нижней развилки у окон второго этажа, потом по наклонному главному стволу спустился на землю. Правда, поцарапался, помял штаны и рубашку, но не сорвался.

Внизу счастливый Журка лихо перекинул со спины на грудь автомат, и в это время рядом с ним прыгнул Горька.

– Бежим!

Они крадучись пересекли площадку перед окнами, пролезли в дыру старого каменного забора и оказались в переулке, выходившем на Парковую улицу. Горька, пригибаясь, побежал вдоль заборов и ворот. Журка за ним. Тоже пригнулся, хотя, кажется, прятаться было не от кого.

Через минуту Горька привел Журку в тупичок. Слева была оштукатуренная стена одноэтажного дома с решетчатыми окошками под самой крышей.

– Как тюрьма, – прошептал Журка. Но Горька объяснил ему, что это не тюрьма, а склад продуктового магазина.

Справа возвышался деревянный забор с колючей проволокой наверху: какой-то частник надежно огородил свой сад. А впереди – тоже стена, только высокая и кирпичная. Журка вспомнил, что у таких стен есть специальное название – брандмауэр. Их строят для защиты от пожара.

У брандмауэра лежали сваленные пустые ящики из реек и фанеры.

– Вон там и прячься, – сказал Горька. – А я пошел… Как услышишь топот, приготовься. Меня пропустишь к себе, а по ним – очередями…

Горькины глаза были решительными, но слова звучали немного нервно. Он хотел еще что-то сказать, но только мотнул волосами. Отдал Журке свой автомат и пошел из тупика. У поворота оглянулся.

– Прячься получше.

– Все будет в порядке, – отозвался Журка, чувствуя тревожный холодок.

Спрятаться оказалось нетрудно, за ящиками Журка нашел удобное местечко – будто нарочно для засады. Но сидеть было неуютно и скучно. Среди запаха отсыревшей фанеры, в зябкой тени этого глухого угла Журка продрог и ругал себя, что не взял курточку. Время ползло еле-еле. Сквозь частые рейки решетчатого ящика Журка поглядывал из укрытия, но видневшийся впереди солнечный переулок был пуст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krapivin_vladislav/zhuravlenok-i-molnii

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить